Ю.М. Иванов, С.В. Пронин

НА ПУТИ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА

Москва
2004

Ю.М. Иванов и С.В. Пронин – сотрудники Института сравнительной политологии РАН. Исследуют вопросы революционного движения на европейской территории современной Российской Федерации.

НА ПУТИ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА

Люди, хвалившиеся тем, что ***сделали*** *революцию,*
всегда убеждались на другой день, что они не знали,
что делали, что ***сделанная*** *революция совсем*
непохожа на ту, которую они хотели сделать.
Ф. Энгельс

Изучая историю формирования российского промышленного пролетариата, советские историки традиционно руководствовались теоретическими разработками и выкладками Ленина, наиболее полно изложенными в его известной книге “Развитие капитализма в России”, в которой доказывалось, что уже в конце XIX в. в результате капиталистического развития здесь сложился не имевший экономических связей с деревней класс фабрично-заводских рабочих.

В своей концепции молодой Ленин исходил (далеко не всегда последовательно) из марксовой схемы развития западноевропейского капитализма, наиболее полно разработанной на английском материале. При этом оказались неисследованными многие специфические национальные черты становления капитализма в России, развитие которого по времени началось значительно позже и происходило на качественно иной материальной базе, чем это было в Англии.

Обратимся к фактам. К началу XX в. Россия была отсталой крестьянской страной, где на долю горожан приходилось чуть больше 10% ее населения. Причем большинство из них в крупнейших центрах фабрично- заводского производства составляли пришедшие на заработки крестьяне. В частности, доля последних в городском населении Петербурга равнялась 57,6%, в городском населении Москвы - 75,3%.[1] Основной контингент фабрик и заводов составляли одинокие выходцы из деревни, получавшие чрезвычайно низкую заработную плату, которая позволяла ручному труду успешно конкурировать с применением множества уже тогда с успехом использовавшихся в Западной Европе фабричных механизмов.

С точки зрения массового наплыва сельского населения в города Россия отнюдь не уникальна. Эта стадия развития капитализма в свое время была характерна и для ряда ведущих стран Западной Европы, в частности, Англии и Франции. Однако в отличие от России конца XIX в. здесь свободные крестьяне

задолго до зарождения фабричного производства насильственно с семьями сгонялись с земли, чтобы еще в XVI столетии, на заре зарождения мануфактуры, посредством жесточайших мер приучить их трудиться на владельцев капитала.

Как известно, Ленин выделял три стадии развития промышленного капитализма в России: от независимого ремесленного производства к мануфактуре, а затем к фабрике. По его мнению, Россия повторяла тот путь, по которому развивался промышленный капитализм в Западной Европе.

Но это далеко не так. Его постановка вопроса в ряде моментов существенно отличается от марксовой, которая нам представляется наиболее верной. По Марксу, независимое ремесленное производство отнюдь не является исторической стадией развития промышленного капитализма. “Исторически капиталистическая форма кооперации, - пишет он, - развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству, все равно имеет ли это последнее цеховую форму или нет”.[2] Между тем именно кооперация, или, иначе, говоря по Марксу, “действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет *исторически и логически* (курсив наш - Ю. И. и С. П.) исходный пункт капиталистического производства”.[3]

Указанная простейшая кооперация под командой капиталиста “на одном и том же поле труда для производства одного и того же вида товаров” не обязательно происходит под одной крышей. Она может осуществляться и надомниками, еще окончательно не порвавшими с земледелием. Об этом в России писали многие, в том числе сам Ленин: “Отрезав мелкого промышленника от рынка готовых изделий, скупщик отрезывает его теперь от рынка сырья и тем самым окончательно подчиняет себе кустаря. От этой формы остается уже только один шаг до той высшей формы торгового капитала, когда скупщик прямо раздает материал “кустарям” на выработку за определенную плату. Кустарь становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста; торговый капитал скупщика переходит в промышленный капитал”.[4]

Только с этого момента собственно и начиналась эксплуатация самостоятельного по виду ремесленника промышленным капиталом, поскольку владелец капитала покупал уже не товар, а труд (точнее рабочую силу) производителя, что качественно меняло прежние отношения. Положение тех, кто “работает у себя на дому, - обосновано подчеркивает Маркс, - но не на себя, а на капиталиста (Fabricant, etablisseur), совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков”.[5]

Другое дело, что этого сельского ремесленника с более или менее приемлемыми навыками труда торговый капитал сплошь да рядом находил в готовом виде - в виде крестьянина, удовлетворявшего в прошлом свои собственные нужды домашним изготовлением ремесленных изделий. Но как только рынок пробил брешь в натуральной замкнутости его хозяйства, а вместе с

ним стала насущной потребность в деньгах, на сцене сразу же появлялся превращавшийся в промышленного капиталиста скупщик, который посредством ссуд в виде сырья и денег низводил его de facto до положения наемного рабочего, обрекая последнего на узкий профессионализм и специализацию. При этом “техника, - как справедливо пишет Ленин, - приковывает рабочего к одной специальности и потому делает его, с одной стороны, негодным для земледелия (слабосильным и пр.), с другой стороны, требует непрерывного и продолжительного занятия мастерством”.[6]

По мнению Ленина, сельское ремесло, начиная с производства на заказ потребителю, под воздействием рынка, (рынок для него в российских условиях атрибут, свойственный только капитализму) спонтанно превращалось в работу надомника. Между тем в действительности такое превращение, как он сам прекрасно показал, совершалось лишь в тех случаях, когда в хозяйство производителя ремесленных изделий извне вторгался капитал скупщика, превращавшегося в промышленного капиталиста.

Тезис Ленина о спонтанности развития кустарного производства в качестве начальной стадии развития промышленного капитализма служил ему обоснованием для утверждения о том, что благодаря рынку домашние промыслы в российской деревне уже в целом разрушены, что они уже отделились от земледелия, чего в действительности не было. “Домашние промыслы, - отмечает он, - составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, *остатки* (курсив наш - Ю. И. и С. П.) которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство... Однако сколько-нибудь широкое распространение домашней промышленности можно констатировать в настоящее время только в редких наиболее захолустных местностях; к числу их принадлежала, например, до последнего времени Сибирь. Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое”.[7]

В борьбе с народниками Ленин явно преувеличил уровень развития аграрного капитализма в России, доказывая как уже свершившийся факт отделение ремесла от земледелия, а вместе с ним и высокий уровень капиталистичности последнего. В действительности же домашняя промышленность продолжала повсеместно существовать не только в Сибири, но и в Европейской России, составляя основу полунатуральной деревенской жизни. Крестьяне повсюду плели лапти, изготовляли для своих нужд изделия изо льна, конопли, дерева и т. д.

Сказанное не исключает того, что, ремесло, как писал Ленин, будучи необходимой составной частью городского производства и быта, существовало и в деревнях, развиваясь на капиталистических началах. “Известный процент сельского населения, - указывал он, в частности, - представляют из себя специалисты - ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в

муку и т. д."[8] Причем сплошь да рядом это был не конечный, а промежуточный продукт, предназначенный для конечной доработки в городе.

Именно это ориентированное на город ремесло становилось в деревне объектом эксплуатации скупщиков. Но оно отнюдь не было, как считал Ленин, придатком капиталистической мануфактуры с присущими ей отношениями наемного труда. Последней в России никогда не было, как впрочем, ее не было и на всем Востоке. Относительно Востока первым, кто из коммунистов в России отметил этот факт, пожалуй, был Троцкий, утверждавший, что, если в метрополиях капитализм "органически развивался от ремесла через мануфактуру к современной индустрии, то на Востоке он "бросает туда готовые машины, сотрясает там и подрывает старую экономическую базу".[9]

Известно, что та мануфактура, которая существовала у нас с петровских времен, отнюдь не базировалась на наемном труде, а на труде приписанных, прикрепленных к земле крестьян, для которых труд на заводах был разновидностью барщины. Связь таких мануфактур с развитием капитализма обнаруживалась лишь в том, что их продукция (прежде всего металл) экспортировался в Англию - глобальную мастерскую рождавшегося капиталистического мира.

На это противоречие между докапиталистическими формами производства заморских стран, экспортировавших в Англию свою продукцию, и ее капиталистической природой указывал еще Маркс, писавший, что "если владельцев плантаций (имеются в виду владельцы рабовладельческих плантаций - Ю. И. и С. П.) в Америке мы теперь не только называем капиталистами, но они и на самом деле являются таковыми, то это происходит потому, что они существуют как аномалии в условиях рынка, покоящегося на свободном труде".[10] Такой же составной частью "мирового рынка, покоящегося на свободном труде" в огромной мере были и российские мануфактуры XVIII в. точно так же, как феодальные хозяйства прусских помещиков, для которых позднее, во второй половине XVIII столетия, Англия стала крупнейшим рынком сбыта зерна и шерсти.

Заметим, что те явления, которые в середине XIX в. представлялись не типичными, отклонениями от нормы, позднее стали явной глобальной закономерностью развития мирового капиталистического хозяйства. Повсюду предназначенное для мирового капиталистического рынка производство в Африке, Азии и Латинской Америке, покоилось на труде, далеком от отношений свободного найма, хотя его целью и была капиталистическая прибыль.

Пока в России существовало крепостное право для капиталистических фабрик, призванных сменить феодальную мануфактуру не было места. Единичные попытки их создания без громадных государственных субсидий заканчивались крахом из-за отсутствия *дешевых* наемных работников. Последними не могли стать оброчные крестьяне, которым хозяева зарождавшихся фабричных заведений должны были выплачивать зарплату в таких размерах, чтобы они могли не только нищенски существовать, но и выплачивать непомерный денежный оброк, который с них взимали помещики. В

конце 50-х гг. в 15 нечерноземных губерниях доля оброчных крестьян составляла 56,8%. Однако громадное их большинство существовало за счет торговли и промыслов.[11]

Лишь после падения крепостного права Россия вступила в полосу промышленного переворота, который в наибольшей мере затронул текстильную промышленность и металлообработку. Подобно Англии эпохи становления машинного производства текстильная промышленность занимала ведущее место в индустриальном развитии России. Такое же место в то время указанная отрасль занимала и в ряде ведущих стран Востока, в частности, Индии и Китае. Однако это происходило в условиях, когда к этому времени в Западной Европе производившая машины (в том числе и для текстильных фабрик) тяжелая промышленность уже превратилась в ведущую отрасль фабричного производства.

В России одно только производство хлопчатобумажных тканей по стоимости на 8% превышало продукцию металлургии, машиностроения и металлообработки вместе взятых.[12] В европейской ее части основным центром сосредоточения текстильной промышленности была Москва с примыкавшими к ней губерниями, основным центром металлообработки был Петербург. "Окно в Европу" позволяло с наименьшими затратами ввозить машины и оборудование из европейских стран, а также уголь из Англии и Германии, тогда как столичное положение облегчало получение чрезвычайно выгодных казенных (прежде всего военных) заказов, требовавших использования западноевропейских технологий. Объектами милитаризованного развития были, в первую очередь, железные дороги и обслуживающие их отрасли тяжелой промышленности (производство рельсов, подвижного состава), а также военные заводы.

Важно и то, что подобно аграрным странам Востока территориальная концентрация фабрично-заводской промышленности носила очаговый характер. Именно в районы ее концентрации устремлялись на заработки крестьяне разорявшейся деревни. Согласно переписи 1897 г. доля пришлого населения Петербурга составляла 68,7%[13] , что вполне сопоставимо с данными 1921 г. ведущего центра хлопчатобумажной промышленности Индии - Бомбее, где 84% жителей не были уроженцами этого города.[14] В России, помимо Петербургской губернии, фабрично-заводская промышленность концентрировалась в Центральном районе страны - Московской, Владимирской, Костромской и нескольких соседних губерниях. В черноземной зоне ее практически не было: небольшие текстильные и металлообрабатывающие предприятия здесь были наперечет.

Что же касается промышленности Урала, то она сохраняла прямые пережитки средневековья и была далека от отношений, свойственных фабрично-заводским заведениям. "Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, - справедливо отмечал Ленин, - сильное развитие отработок, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии,

стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени - такова общая картина Урала”.[15]

В условиях, когда полунатуральная деревня сама себя обувала, одевала, изготавливала свой незатейливый рабочий инвентарь (по переписи 1910 г в стране было 7,8 млн. сох и 2,2 млн. деревянных плуга) внутренний рынок для фабрично-заводской промышленности оставался чрезвычайно узким. Как писал В. П. Милютин, “Приблизительно 93,8% всего промышленного оборота и 68,6% общего количества торговых и промышленных предприятий сосредоточено в населенных пунктах, заключающих в себе 24,8% общего населения. Вся же остальная Европейская Россия с ее тремя четвертями представляет огромную массу, совершенно серую в торгово-промышленном отношении”.[16]

Конечная продукция фабрично-заводской промышленности потреблялась преимущественно в городах и лишь отчасти зажиточной верхушкой деревни. Основными предметами покупок последних были ситец, спички, сахар, чай.[17] Остальные крестьяне почти ничего не покупали. В рассматриваемой части России существовавших исключительно за счет найма сельских рабочих практически не было.

Еще более контрастно эта особенность исторического развития проявилась в то время в ряде ведущих стран Востока, где уже в конце XIX в. зародилась фабрично- заводская промышленность, в частности, в Индии и Китае. Фабрично-заводская промышленность территориально концентрировалась здесь лишь в считанных городах - Бомбее, Калькутте, Шанхае и т. д., тогда как огромные пространства оставались заповедными царствами подспудно размываемой рынком азиатской патриархальщины.

Преимущественный рост текстильной фабричной промышленности в отсталых странах исторически повторял тот путь становления фабричного производства, который в свое время проходила Англия. Но из-за более позднего старта он уже зеркально не мог воспроизвести многое из того, что наблюдалось на родине промышленного переворота. Англии потребовалось почти три четверти века, прежде чем в этой стране появилось машинное производство машин. В России же, как и в других отсталых аграрных странах, это производство - машинная металлообработка - стало развиваться одновременно с текстильной промышленностью, в значительной мере обслуживая последнюю, и в еще большей степени военные нужды.

Другая важная особенность промышленного переворота в Англии - меньшая численность персонала английских фабричных заведений по сравнению с той, которая имелась, например, в России второй половины XIX в. Маркс, в “Капитале” приводит, в частности, результаты переписи 1865 г. 570 крупнейших текстильных заведений фабричных округов Ланкашира, Чешира и Йоркшира, в которых было занято 88913 чел. А это означает, что в среднем в одном заведении трудились по найму всего 155 чел.[18]

В России же, крупнейшие текстильные предприятия, как и металлообрабатывающие заводы, с самого начала сосредоточивали тысячи наемных работников. В 1903 г. в цензовой промышленности России,

включавшей множество мелких и мельчайших заведений, доля заведений с числом занятых свыше 500 чел. составляла всего 4,1%, но на них приходилось 76,9% всех трудившихся в промышленности работников.[19] В 1914 г. согласно цензовой переписи доля занятых на фабриках и заводах с числом свыше 1000 чел. в 1914 г. составляла 43,8%. Средняя численность персонала крупнейших российских предприятий равнялась 2490 чел. Только в Петербурге было 14 заводов, где работало свыше 5000 чел.[20] Причем заметную долю среди них занимал административно-управленческий персонал. В частности, на “металлообрабатывающих заводах и заводах по изготовлению машин и орудий труда” его численность в Петербурге составляла 26,6 тыс. чел.[21]

В условиях возраставшего спроса на текстильные изделия было выгодно наращивать их выпуск, используя фабричные методы производства. Однако при чрезвычайной дешевизне ручного труда использование этих методов неизбежно приобретало однобокий, уродливый характер, когда экономия труда за счет применения машин и механизмов сопровождалась хищническим его расточительством в результате порожденного этими же машинами и механизмами увеличения числа ручных операций, в том числе связанных с обработкой, хранением, транспортировкой и т. д. гигантски возраставших объемов сырья, которые поглощала фабрика, что требовало использования намного большего числа рабочих, чем в ведущих странах Западной Европы последней четверти XIX в., где заработная плата существенно росла, стимулируя внедрение машин.

Российские фабричные рабочие и по своему социальному происхождению существенно отличались от английских. Российские, как правило, были одинокими пришельцами из деревни, английские - трудившимися на фабрике целыми семьями вчерашние ремесленники-надомники, либо принудительно присылаемыми для работы на фабрике обитатели работных домов. Роднило же их то, что и на российских текстильных предприятиях второй половины XIX в., и на английских - середины XIX в. использовалось много ручного труда. И здесь и там, говоря марксовым языком, не существовало “расчлененной системы машин” превращающей предприятия в единую комбинированную машину. Взаимосвязанная система машинного производства отсутствовала. Использование машин носило изолированный характер, сохраняя множество ручных операций, как при их обслуживании, так и при перемещении произведенного машинами продукта от одной стадии обработки к другой.

И на текстильных фабриках дореволюционной России и на английских текстильных предприятиях середины XIX в. разделение труда в целом было одинаковым. Его характерные черты с достаточной полнотой описаны Марксом в “Капитале”, где он писал: “Существенное различие наблюдается между рабочими, занятыми действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за машиной двигателем или ее заправкой), и простыми подручными (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К подручным же в большей или меньшей степени относятся и все feeders [питатели] (которые просто подают в машину материал труда).

Наряду с этим главными категориями выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, например, инженеры, механики, столяры и т. д. Это - высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему. Это разделение труда носит чисто технический характер".[22] Оно порождалось используемыми машинами.

Подобное "чисто техническое" разделение труда существовало и на фабриках и заводах дореволюционной России. Различие же состояло лишь в том, что в качестве подручных рабочих здесь трудились не жены и дети "главных рабочих" - мастеровых, (хотя также применялся труд женщин и детей, но они, как правило, не имели с ними родственных связей). Почти все они были одинокими выходцами из деревни и приобретали элементарные нужные фабрике навыки ручного труда не в семьях ремесленников-надомников, как это было в ряде стран Западной Европы, а либо в своих крестьянских хозяйствах либо непосредственно в фабричных заведениях.

Ленин же калькировал применительно к России марксову схему развития промышленного капитализма, утверждая, что искусные рабочие были подготовлены для фабричных заведений мануфактурой. "Крупная машинная индустрия, - писал он, - не могла бы так быстро развиваться в пореформенный период, если бы позади не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой".[23]

Однако в условиях России подготовленные мануфактурой искусные рабочие были не нужны. В Англии машинное производство возникло, как подчеркивает Маркс, " на несоответствующем ему материальном базисе", когда изобретенные ремесленниками машины создавались еще не машинами, а искусными работниками ремесленного типа. Часть из них состояла "из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть объединена в мануфактуры".[24] Как писал С. Поллард о том времени, "У тех, кто делал промышленную революцию, формальное обучение ограничивалось в основном уровнем сельской школы, Причем всегда за формальным обучением следовало ученичество у местного ремесленника. Ставшие потом умельцами особенно в строительстве, металлообработке и торговле, они обогащали предпринимательский потенциал, пополняли управленческие кадры, становились движущей силой технического прогресса".[25]

Другое дело Россия, где машины еще в XIX в. в основном импортировались из заграницы либо в редких случаях изготавливались машинами в российских заведениях с учетом достижений западноевропейских образцов. В XIX веке на долю российских заводов выпадала преимущественно только починка заграничных машин. "Они были, по словам Нобеля, также необходимы для текстильного фабриканта или железной дороги, как кузнецы на большой дороге".[26] Даже позднее в 1913 г. в громадной стране было изготовлено всего 1754 станка простейших конструкций.[27] К этому времени Петербург превратился

в ведущий центр военной, судостроительной, паровозостроительной и электротехнической промышленности.

Разделение труда на фабриках порождалось применявшимися машинами, и имело тот самый законченный технический характер, который описал цитированный нами выше Маркс. В таком разделении труда не оставалось места не только для домашинных форм разделения труда, но и для вмешательства капиталиста во внутрифабричный производственный процесс, упорядоченный используемыми машинами, что послужило основанием для утверждений основоположников марксизма о том, что "вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работавший на ручном станке".[28]

Вместе с тем еще на первоначальной стадии английского фабричного производства четко наметилось чисто фабричное разделение труда между исполнителями и надсмотрщиками за трудом или, говоря словами Маркса, "промышленными рядовыми и промышленными унтер-офицерами". Последние вербовались, прежде всего, из числа рабочих, непосредственно обслуживавших машины, поскольку они обладали навыками контроля за трудом трудившихся под их началом неквалифицированных рабочих. Что же касается, инженеров, механиков, столяров и т. д. "стоящих вне круга фабричных рабочих", то это, конечно, были не рабочие, как полагал Маркс, а рождавшийся административный технический персонал, который, упорядочивая работу машин, осуществлял контроль за работой "промышленных исполнителей".

А это не могло не сказываться на представлениях указанного персонала об общественном идеале. Сознательно или бессознательно его представители рассматривали все общественные связи с точки зрения места, которое они занимали в фабричной организации труда. Ритмичные фабричные порядки становились для них идеалом, который они противопоставляли рыночной стихии со свойственной ей кризисами, непредсказуемыми падениями производства, массовыми увольнениями, закрытием фабрик и т. д. На этой почве происходило, говоря словами Г. Перкина, "отчуждение от предпринимателей специалистов, игравших важную роль в критике свободы торговли и в росте требований перехода к коллективистским отношениям".[29] Именно такие настроения отражали основоположники марксизма, утверждавшие, что "противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводятся как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе*".[30] Естественно, что подобные требования "перехода к коллективисткам отношениям" поддерживались и рабочими, ненавидевшими предпринимателей.

Пока численность занятых в фабричных заведениях была относительно не велика, роль предпринимателя в повседневных внутрифабричных делах почти целиком сводилась к установлению беспрекословного казарменного режима с целью интенсификации труда рабочих. "Он принуждал, - пишет Г. Перин, - к пунктуальности, регулярному выходу на работу и прилежанию в ее исполнении - соблюдения стандартов качества и установленных норм выработки. Он же не

допускал пьянства, ссор, беспорядков, не относящихся к делу разговоров, задержек возобновления работ в связи с приемом пищи, с этой же целью он часто осматривал туалеты; хвалил старательных и искусных, в очень редких случаях их награждал и в то же время штрафовал или иначе наказывал ленивых и нерасторопных".[31] Фактически в рассматриваемых английских заведениях индивидуальный предприниматель олицетворял ненавидимого на фабрике главного надсмотрщика.

Иное дело в России, где ведущие фабрично-заводские предприятия представляли комбинацию множества разнородных производств (прядильные, ткацкие, граверные, металлообработки, ситцепечатные и т. д.), использовавших разнотипные машины, связи между которыми осуществлялись вручную. Здесь трудились тысячи рабочих, и предприниматель физически был не в состоянии следить "за неотносящимися к делу разговорами рабочих", фиксировать время, проведенное ими в уборных и т. д.

В связи с этим внутрифабричная служба надзора, устанавливавшая деспотический режим, целиком перешла к фабрично-заводской администрации, окончательно узурпировавшей эту функцию у обладателя денег - предпринимателя, которому в лучшем случае оставалось только манипулировать финансами и решать общие вопросы развития. В результате внутрифабричное производство прибавочной стоимости полностью перешло к административному аппарату, возглавляемому советом директоров. Юридически этот переход был оформлен учреждением акционерных компаний на базе государственного и частного капитала.

То, чему на Западе предварительно потребовалась почти вековая история фабричного развития, в России фактически появилось одновременно с самими фабриками. В 1861 г. в обработке волокнистых веществ насчитывалось 25 акционерных компаний, в металлургии и машиностроении - две. В 1900 г. число первых достигло 226, в 1914 . - 315, вторых в 1900 г. - 210, в 1914 г. - 262. [32] Как и на Западе, указанные акционерные компании еще находились на низшей стадии развития корпоративных отношений, на той стадии, когда акционерный капитал еще не стал подлинно общественным, представляющим совокупность денежных капиталов множества акционеров, когда этот капитал, будучи общественным по форме, обычно принадлежал крайне ограниченному числу учредителей (в том числе и иностранных), свидетельствуя тем самым о неразвитости российского фондового рынка.

Очень часто это были семейные и полусемейные организации. "В России, - пишет Л. Е. Шепелев, - акционерные компании были представлены акционерными обществами и равнозначными им в юридическом отношении паевыми обществами. В большинстве случаев паевые товарищества представляли собой семейные и полусемейные предприятия. В целях сохранения решающего влияния семьи в этих предприятиях устанавливались сравнительно крупные размеры наименьшего взноса в основной (паевой) капитал. В большинстве случаев паи были именными, продажа их посторонним лицам запрещалась. Если в акционерных обществах наиболее распространенной

купюрой акций (соответствующей взносу акционера в основной капитал) были 100 и 250 - рублевые, то в паевых товариществах номинальная стоимость пая обычно составляла 2500-5000 руб."[33]

Подобные компании акционерно-семейного типа превалировали тогда и в Западной Европе, в частности, в Англии, где, как пишет Г. Паркер, "возник новый класс крупного бизнеса, не соответствовавшего простой модели предпринимателя. Этот бизнес был логическим следствием роста масштабов организации производства, породившего индустриального собственника и менеджера. На новом витке спирали развития предприятия стали слишком велики, для того чтобы без тщательно разработанной системы поручений индивидуальный предприниматель либо его партнер мог одновременно выполнять функции собственника и менеджера. Гигантский семейный бизнес выжил. Но его владельцы уже были не в состоянии ежедневно контролировать свои заведения. У них появились посредники - управляющие, а сами они превратились в отдаленных контролеров при решении финансовых и общих дел. Этому в наибольшей мере соответствовала организация акционерных компаний".[34]

В России к началу XX в. на долю акционерно-паевых предприятий приходилось две трети капиталов, действовавших в промышленности. К 1914 г. эта доля возросла до 86%.[35] Вместе с тем, сказанное не исключает того, что в российской промышленности на задворках крупных заведений существовало множество мелких и мельчайших заведений, базировавшихся порой на исключительном использовании ручного труда. Такие заведения в большом числе существовали не только и столько в столицах, сколько в других городах и местечках, а также в деревнях. Как известно, Ленин относил подобные заведения к мануфактурам, называя их владельцев "мануфактуристами". В действительности же эти заведения так или иначе обслуживали корпорации, являясь как бы внешней территориально обширной сетью последних, посредством которой улавливалась прибавочная стоимость, создававшаяся непосредственно за пределами фабрик и заводов.

Важной исторической предпосылкой многостороннего развития указанной сети послужило использование швейной машины. "Машиной, - обосновано указывает Маркс, которая сыграла решающе революционную роль, машиной, которая охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, например, производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпные промыслы и т. д., - была швейная машина".[36] В России громадную роль в ее капиталистическом применении сыграли те, кто в прошлом составлял в деревне многочисленную барскую челядь, обшивавшую и обувавшую господ и ее прислугу, следуя при этом в зависимости от господских предпочтений парижской моде или моде a la russ. Будучи в 1861 г. освобождены от крепостной зависимости без земли (в Англии роспуск феодальной челяди происходил еще на рубеже XV-XVI веков), они хлынули в города, где покупателями создававшейся ими продукции становились состоятельные люди. Высшие же сановники предпочитали одеваться и обуваться в парижских салонах. Из этих же выходцев

из барской челяди и их потомков в первую очередь формировались кадры умельцев, трудившиеся в ресторанах, трактирах, кондитерских и других заведениях.

Справедливости ради, следует отметить, что Ленин по-своему отметил эту связь фабричного производства со средним и мелким, указывая в качестве "придатка фабрики" различные разновидности ручного труда, поскольку он считал, что акционерные общества в качестве монополий являются лишь "остатками средневековых порядков", прибавляющими "к капиталистическим бедствиям еще горшие бедствия - средневековые".[37] Российские марксисты - большевики и меньшевики - прошли мимо указания Маркса и Энгельса о том, что в порожденных машинным производством акционерных обществах производство стало общественным, что акционеры это уже не буржуазия, распоряжающаяся частными средствами производства, а лишь обладатели денежных капиталов, присваивающие на свои акции прибавочную стоимость.

Оперируя термином "придатки фабрики", - Ленин относил к ним "те формы наемного труда в мелкой промышленности, существование которых непосредственно связано с фабрикой. Сюда относятся, - писал он, - прежде всего (известной своей части) лесные и строительные рабочие... Далее, сюда относятся рабочие на торфяных болотах, разрабатываемых иногда самими владельцами фабрик, возчики, грузчики, укладчики товара и вообще так называемые чернорабочие... Затем некоторые вспомогательные для фабрики работы ведутся мелкими "самостоятельными" промышленниками... Когда фабрика ограничивается производством полуфабриката, она вызывает иногда к жизни мелкие промыслы, занятые дальнейшей обработкой его; напр., механическое производство пряжи дало толчок кустарному ткачеству, около горных заводов появляются "кустари", производящие металлические изделия и пр."[38]

Хотя указанные здесь Лениным разнорабочие и обслуживали фабрику, их нельзя причислять к фабрично-заводскому пролетариату. В большинстве случаев они трудились в артелях на поденных началах, в том числе и на самих фабриках, (по данным министерства труда 62,9% рабочих в основном крупных заведений в 1916 г. были поденщиками[39]). Подрядчик - глава артели договаривался об условиях труда и заработной плате артельщиков, за счет отчислений от которой он сам существовал. Артельщики же находились у него в беспросветной долговой кабале. Еще в деревне до начала сезона работы, он раздавал будущим артельщикам денежные ссуды, которые они обязаны были отработать.

Вот, что писал, например, 28 июля 1910 г. по этому вопросу профсоюзный журнал "Рабочее эхо", призывая строительных рабочих объединяться в профсоюзы: "Из дальних деревень и сел гонят нужда и голод в города десятки тысяч строительных рабочих. С котомками за плечами, где лежит их немудреный скарб и инструмент, идут и едут в города печники, каменщики, плотники, маляры, штукатуры - искать работы. В деревне им нечего делать, клочок земли ими давно продан или сдан в аренду, да, если он и есть, с ним справится жена с полуголодными малыми ребятами. У земляка - подрядчика давно, еще зимой, вперед под работу взяты деньги. На все лето до поздней осени

закабалил себя "землячку" строительный рабочий".[40] Будучи заинтересованными в росте отчислений от заработной платы, такие "землячки" добивались увеличения последней, объединяясь порой в профсоюзы, в которые зачисляли артельщиков.

Подобные артели во главе с подрядчиками существовали и в Западной Европе на стадии становления фабричного производства (они подробно описаны Марксом), а также в странах Востока. В Египте руководителей таких артелей называли "раисами", в Индии - "сардарами", "мистри", в Китае - "старшинками" и т. д. В английской научной литературе их нередко называют джобберами. Все эти лица выступали в роли субподрядчиков рабочей силы и в качестве таковых получали известную долю прибавочной стоимости из зарплаты артельщиков. Они сами вербовали, опутывая долгами крестьян, прежде всего в тех сельских округах, уроженцами которых они были сами, т. е. там, где они имели особо прочные экономические и социальные связи с вербованными.

К фабрично-заводским рабочим нельзя причислять и работавших по найму в мелких и средних заведениях, где они находились под непосредственным надзором предпринимателей, независимо от того выполняли ли они исключительно ручные операции или пользовались машинами. Основные противоречия здесь непосредственно концентрировались между наемными работниками и владельцами капитала, вводивших в своих заведениях казарменный режим с целью максимизации производства прибавочной стоимости.

Подлинно фабрично-заводскими рабочими мы считаем лишь тех, кто трудился на крупных предприятиях, где организацией производства прибавочной стоимости непосредственно руководил возглавлявшийся директорами административно-управленческий персонал. С появлением последнего раскол армии наемного труда на тех, кто создавал прибавочную стоимость, и тех, кто существовал за ее счет, приобрел завершенный вид. Если рабочие, продавая свою рабочую силу, воспроизводили ее стоимость, говоря марксовым языком, посредством необходимого труда, а также сверх нее производили прибавочную стоимость посредством прибавочного труда, то административно-управленческий персонал во главе с директорами, распоряжаясь от имени капитала рабочей силой и средствами производства, существовал за счет доли создаваемой рабочими прибавочной стоимости.

Указанная особенность оплаты труда административно-управленческого персонала, отмеченная еще Марксом политэкономическое содержание этой оплаты, как правило, игнорировалось российскими марксистами, включая большевиков и меньшевиков. "Часть заработной платы, - подчеркивал Маркс, - на основе капиталистического способа производства выступает как *интегральная составная часть прибыли* (курсив наш - Ю. И. и С. П.) Эта часть, как правильно установил уже Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны, - от той части прибыли, которая остается за вычетом процента, как так называемый

предпринимательский доход, выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размер и т. д. которых допускают такое разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего".[41]

Лишь крупные фабрично-заводские предприятия допускали такое разделение труда, при котором организация внутрифабричного производства прибавочной стоимости целиком становилась делом наемного административно-управленческого персонала, навязывавшего свою волю рабочим. Руководитель должен быть "диктатором *во время* работы" - позднее заявлял Ленин.[42]

В связи с этим на крупных фабриках и заводах России основные противоречия непосредственно фокусировались не на противоречиях между рабочими и владельцами капитала, а на противоречиях между рабочими и наемным фабрично-заводским управленческим персоналом, принуждавшим их к непосильному труду и обрекавшим их на беспросветное нищенское существование.

"Администрация и рабочие, - пишет Н. И. Воробьев в одном из документов того времени, - это два враждующие лагеря; они ведут постоянную войну между собой. Низшая администрация - табельщики, надсмотрщики, и мастера, наушничают, оскорбляют женщин, притесняют рабочих, берут взятки. Грубое обращение с рабочими это обязательный "хороший тон" у администрации".[43] Что же касается акционерных владельцев предприятий, то для рабочих они обычно были теми представителями недоступного для них внефабричного мира, общение с которыми были чрезвычайно редки.

Сегодня как никогда наш книжный рынок переполнен сентиментальными и волнующими описаниями многочисленных сочинителей о том, как трогательно члены императорской семьи и фабриканты заботились о благополучии и здоровье рабочих. В этой связи обратимся к фактам. "По данным М. Давидовича, - пишет Э. Э. Крузе, - в 1908 г. бюджеты всех опрошенных петербургских семейных текстильщиков (41 чел.) были на 25-30% ниже нормы необходимого жизненного минимума".[44] При этом следует учитывать, что М. Давидович обследовал рабочих, получавших зарплату выше среднего уровня. Согласно бюджетному обследованию С. Н. Прокоповича того же времени "средняя заработная плата петербургских рабочих равнялась 300-350 руб., а при заработке до 400 руб. в год рабочий не мог жениться."[45], т. е. иметь семью.

Текстильщики жили впроголодь. "Бесполезный излишек углеводов и белковое голодание, - пишет М. Давидович, - вот сжатая характеристика питания нашего ткача и с ним среднего петербургского рабочего... Теперь понятно, почему ткачи изредка по праздникам поджаривают печенку: потому, как гласит один отзыв, что "печенка помогает от куриной слепоты" - болезни, как известно, являющейся результатом крайнего физического истощения"[46]

Еще в середине XIX Энгельс справедливо отмечал, "то, как удовлетворяется потребность в жилье, - может служить мерилом того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих."[47] С точки зрения этого мерила не трудно оценить, неприглядность рабочей жизни. Петербургские текстильщики проживали в чрезвычайно плохих жилищных условиях - в

сколоченных на скорую руку продуваемых деревянных домах. "Можно сказать, - пишет М. Давидович, что какое бы помещение не занимал наш рабочий, размер его жилища всегда одинаков и очень не велик. Так по площади его жилище будет занимать всего 6 кв. аршин (3,03 кв. м. - прим. Ю. И. и С. П.), так что, если бы он занимал отдельную комнату, эта комната имела бы 3 аршина в длину и 2 аршина в ширину, что очень напоминает знаменитые темные карцеры в каторжных тюрьмах".[48]

Даже у тех, кто обзавелся семьей, набор вещей был чрезвычайно скудным. Без швейной машины, - пишет М. Давидович, - весь расход на собственно обстановку (исключая посуду) часто сводится к 20 к. на зеркальце, которое при том куплено по такому исключительно случаю, как мальчишка начал в школу ходить".[49] Остальное - самодельные топчаны, либо спят на полу. "Рабочие часто обходятся без простынь. Он нередко обходится и без кальсон: спит в штанах. То же, что мы особенно хотели бы указать, это постоянное отсутствие кальсон у женщин. Только у молодого поколения начинает входить в обиход эта часть белья. У матерей семьи нам ни разу не пришлось ее записать - когда нужно за дровами ехать на санках, надевает старые штаны мужа".[50]

Как мы уже писали, семейные рабочие были исключением из правила. "Жизнь текстильщика, - отмечают наблюдатели того времени, делается неприглядной из-за отсутствия семьи в городе; такой рабочий тратит на спиртные напитки 15,3% бюджета... Много тратит на алкоголь семья с матерью, работающей на фабрике: "Сухомятка, - отмечает М. Давыдович, - требует перед собой "сотки" или "жулика", что и конкретно зарегистрировано в отдельных семьях без горячей пищи. Пьянство является наиболее распространенным явлением среди рабочих, ютящимся по угловым квартирам, снимающим койки".[51] И это не удивительно. Ютясь по угловым квартирам, снимая койки, проживая в беспросветной нищете и грязи, они были лишены всех наслаждений, кроме полового и пьянства.

С целью снижения издержек на рабочую силу управленческий аппарат текстильных фабрик не гнушался по мере возможности использовать труд малолетних. По данным переписи 1897 г. в городах дети начинали трудиться с 10 лет. Их отправляли сюда "в большом числе и более равномерно как мальчиков, так и девочек и в учение и главным образом на заработки".[52]

Проживая в чудовищной нищете, изматываясь на непосильной работе, трудовой век текстильщика был коротким. "Почти три четверти, указывалось в итогах переписи 1897 г., - (73,5%), находящихся в Петербурге крестьян и две трети крестьянок принадлежат к возрасту от 10 до 39 лет, т. е. к самому лучшему возрасту для обучения и работы. После 40 лет остается крестьян только 15,5%, крестьянок больше - 21,3%... Пришлого населения в СПБ 68,7% и только 31,3% - уроженцы столицы".[53] За исключением погибавших от многочисленных травм, отработавшие свой трудовой век в Петербурге (обычно утратившие свое здоровье на фабриках и заводах) возвращались в деревни. Данные же о тех, кто после 40 лет оставался в городе, как правило, относятся к тем, кто имел в городе другие источники существования.

В Петербурге уровень заработной платы был самый высокий в стране. В этой связи несомненный интерес представляют показатели жизненного уровня рабочих в таких центрах текстильной промышленности, как, например, Иваново-Вознесенск. Как пишет Н. И. Воробьев, рабочие Иваново-Вознесенска проживали в слободках, главная из которых называется Ямами. Они застроены небольшими, крестьянского типа, избами без всяких надворных построек, за исключением небольшой будочки вместо клозета. Нередко, впрочем, и будочка отсутствует".[54]

Очень немногие квартиры заняты одной семьей "Размеры квартир по абсолютному объему разнятся между собой мало, каждая квартира представляет одну комнату, которая служит и кухней, и спальней, и столовой для всех жильцов". Общей постелью служит пол.[55]

В отличие от изб слободок в рабочих казармах (спальнях) проживали исключительно одинокие мужчины, семейные были исключением. Женских "спален" не было. Их не обнаружили ни на одной фабрике. В старых казармах все спали на нарах вповалку. В новых - нары заменены койками. "В видах экономии места, койки устроены весьма своеобразно. Четыре спальных места соединены вместе. Одна общая койка низенькими перегородками, образующими крест по средине койки, разделена на 4 места, и каждое место занято одним жильцом".[56] Один стол со стулом приходился на 10-12 чел.

"В казармах живут, - пишет Н. И. Воробьев, - главным образом одиночки, пришлые из отдаленных мест менее требовательные рабочие ситцепечатных отделений. Устройство общих спален казарменного типа - это пережиток старых порядков (статья опубликована в 1907 г.), когда рабочие на ивановских фабриках и мануфактурах жили в фабричных помещениях, в самих мастерских. Теперь эти помещения обособлены от мастерских, но характер временных ночлежных приютов с казарменным режимом уцелел. Обосноваться в этих казармах на постоянное житье семейному рабочему невозможно; это значило бы добровольно обрекать себя на каторжное житье. И вольная квартира, как бы она не была плоха, все-таки лучше казармы".[57]

Крестьяне составляли более 90% фабричного населения. Текучесть рабочей силы была чрезвычайно велика. 55% мужчин и женщин проживали в Ямах менее 5 лет. 44,8% дольше 5 лет. Около трети проживало здесь лишь первый год. На отдельных фабриках их было значительно больше, порой они составляли свыше половины рабочих.[58] Такая же высокая текучесть рабочей силы была и на фабриках Москвы. Так на Трехгорке в 1900 г. лишь 9,5% рабочих имели стаж свыше 10 лет.[59]

Большая текучесть рабочей силы было прямым следствием непосильного труда как взрослых, так и малолетних. В 1894-1895 гг. в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, малолетние и подростки составляли 10,4% рабочих.[60] Согласно сведениям по Московской губернии за 1910 г., приводимым в "Архиве истории труда в России", инспекторы объясняли рост использования детского труда "конкуренцией фабрик, прибегающих к труду малолетних как к более дешевому труду. Труд малолетних, - заявляли они,

применяется главным образом на больших бумагокрутильных, на шелкокрутильных и стеклянных фабриках".[61]

В свою очередь дешевизна ручного труда препятствовала использованию машин за пределами непосредственного прядения, шелкокручения и т. д. В частности, "в докладной записке директора департамента полиции ротмистр Сазонов указывал, что, начиная со второй половины 1902 г. рабочие Невской бумагопрядильной мануфактуры стали замечать постепенное ухудшение достоинства употребляемого для выделки пряжи хлопка, загрязненного и с "орешками". Такой хлопок в мюль-машинах не дает ровной пряжи и требует особого внимания мюльщика и его подручного, заставляя их очищать эти "орешки" и другие очесы руками. Между тем как при правильном ходе дела предварительная очистка хлопка должна производиться пропуском его через очистные машины; но такой технический прием совершенно невыгоден для фабриканта, так как при подобной тщательной очистке хлопка, часть его уничтожается в машинах и не поступает в дальнейшее производство".[62] Используя дешевый загрязненный хлопок, фабричная администрация принуждала рабочих больше затрачивать труда при его обработке, сохраняя при этом прежние расценки прядения качественного хлопка. В результате уменьшалась зарплата и возрастали штрафы. На этой почве возникала не одна забастовка.

Как постоянное явление были задержки и невыдачи заработной платы. "Невыдачи и задержание заработной платы, - указывали инспекторы, - объясняются, кроме недостатка у заводоуправлений наличных денег, иногда также и стремлением заведующих промышленными заведениями, преимущественно мелкими, удержать таким путем рабочих от ухода с работы, а в случае ухода с работы возместить убытки".[63]

На фабриках господствовала потогонная система эксплуатации труда, рассчитанная на истощение в короткий срок организма рабочего. Так, "переборщики, получающие жалованье по 11 руб. в месяц, - как пишет Н. И. Воробьев, - должны перебрать в обыкновенный, т. е. 11 часовой рабочий день по 222 шестидесяти двух аршинного миткаля и тканей. Работа переборщика заключается в том, что каждый кусок миткаля он осматривает, перетягивая его руками через стол, и отмечает недостатки ткани. Для того, чтобы перебрать 222 по 62 аршин, если одним взмахом руки рабочий перетягивает только один аршин ткани, необходимо сделать 13764 взмаха в день или 21 взмах в минуту, работая все 11 часов без остановки".[64] Подобные систематические упражнения не выдержал бы в течение длительного времени и специально подготовленный профессиональный спортсмен, не говоря уже об изнуренном рабочем.

Истязания рабочих усугублялись еще и тем, что им приходилось трудиться в чрезвычайно вредной для здоровья обстановке. Тот же цитированный нами Н. И. Воробьев, так описывает ее: "Мастерские особенно в старых корпусах темны, тесны, плохо вентилируются, грязны. На фабрике Куваевской М-ры в граверном отделении помещается и травилка, в которой медные валы обрабатывают азотной кислотой, и при том нет надлежащей вентиляции... У Никона Гаремина

С-вей механическое отделение помещается в подвале, кирпичный пол всегда сырой, в мастерской темно и тесно и целый день приходится работать при газовом освещении. У всех рабочих хронический насморк; при выходе на волю из мастерской ощущается режущая боль в глазах и ломота в голове. В конце мастерской устроена кузница; вытяжная вентиляция в трепальных и чесальных отделениях выбрасывает массу пыли, которая проникает в мастерскую".[65]

В таком же бедственном положении находились и рабочие металлообрабатывающей промышленности. В этой связи в качестве иллюстрации рассмотрим положение рабочих Петербурга, где зарплата была самой высокой в стране. Как и в текстильной промышленности, большинство из них были отходниками из деревни. Типичным примером в этом отношении может служить Балтийский судостроительный завод. Согласно переписи, проведенной начальником завода в декабре 1901 г. из 3359 трудившихся на заводе по найму свыше 80% были пришедшими на заработки крестьянами, из которых 46,1% имели надел в деревне. [66]Большинство же остальных сохраняли право на получение земли в общине и платили общинные подати.

Вот как описывает в 1905 г. жизненный уровень рабочих этого завода член его правления статский советник Чекалев. "Заработную плату большинства рабочих надо признать безусловно недостаточной для "человеческого" как определяют сами рабочие существования. И действительно, по произведенному мною опросу и собранным через депутатов сведениям, рабочие холостые, получающие в месяц от 17 до 18 руб., нанимая угол с одной кроватью, на которой помещаются двое, платят в месяц 3 руб. На пищу, состоящую утром из чая с черным хлебом, плохого обеда и на ужин куска дешевой колбасы с хлебом, расходуют 10 руб., на одежду требуется - 4 руб. Всего 17 руб. в месяц. На подати, табак и какие либо из ничтожных прихотей не остается ничего. Холостой, получающий от 20 до 25 руб., уже в состоянии нанимать угол один. Женатый, вдвоем, в крайнем случае с одним ребенком, получающий от 30 до 35 руб. в месяц нанимает полкомнаты и платит обыкновенно 10 руб."[67]

Санитарный врач А. Н. Рубель, обследовавший жилищные условия бедных в Петербурге пишет: " У среднего петербургского рабочего нет семьи, живет он в угловых квартирах, развращающих и искажающих его, питается в "живопырнях" (трактирах) отбросами питательных продуктов и носит чужие обноски".[68] "Даже металлисты и рабочие полиграфической промышленности, - подчеркивает Э. Э. Крузе, - заработки которых среди других категорий петербургских рабочих... были наивысшими, в большинстве своем не могли вступить в брак и обеспечить семью".[69]

По сведениям фабричного врача Н. Струкова их жильем обычно были подвалы, мансарды, задворки. На дальних окраинах и в пригородах им приходилось жить в "неблагоустроенных домах, сколоченных из барочного леса и совершенно неприспособленных для зимнего жилья".[70]

В подобных невыносимых условиях проживали и рабочие Франко-русского завода. Сведения, собранные через контроль в больничной кассе Франко-Русских заводов показали, что около половины участников кассы,

обращавшихся за медицинской помощью, живут в углах. Более (43%) снимают одну комнату. Квартиры снимают 25%, но с тем, чтобы сдать жильцам по комнатам, а сами помещаются где-нибудь на кухне, или в темном коридоре. По данным больничной кассы "Проводник", в одной комнате с больным в среднем живет 4-5 человек, а в некоторых комнатах число жильцов доходит до 10 и более".[71]

О том, к каким последствиям приводила такая скученность, красноречиво повествует цитированный нами врач А. Н. Рубель. "Совместное житье большими группами людей, - пишет он, - различных полов, возрастов, профессий и привычек, - в особенности при царящей в угловых квартирах тесноте и скученности - создает все условия для развития самых разнообразных пороков. Дети, на глазах которых проходят все детали жизни взрослых, все самые сокровенные стороны жизни, подчас самые грязные сцены разгула и разврата, эти дети знакомятся со всей грязью, всеми пороками... В условиях дурной квартирной обстановки углового жильца следует видеть одну из важнейших причин тяготения к алкоголю нашего простолюдина".[72]

Ютясь в скученных помещениях, хронически недоедая, рабочие систематически пьянствовали, требуя, как, например, делали путиловцы, чтобы за опоздания и прогульные дни с них не взимали штрафов.[73] Так же обстояло дело и на заводах других российских городов, в частности, на Сормовских заводах, где рабочие, будучи не в состоянии дожить до очередной получки, получали по "книжкам" в счет зарплаты из заводской винной лавки спиртные напитки".[74] Наживаясь на продаже спиртных напитков, заводоуправление к тому же штрафовало их за опоздания и прогулы, вызванные этими же продажами. Рабочие же требовали отмены штрафов. В результате в ходе одной из забастовок в 1905 г. было достигнуто соглашение "штрафы за прогулы не более трех дней не накладывать, прочие же штрафы накладывать по таксе, утвержденной окружным фабричным инспектором".[75]

Будучи сознательно спаиваемыми, полуголодные рабочие трудились в условиях, форсировавших потерю ими трудоспособности. "Почти все отчеты больничных касс отмечают **антигигиеническое состояние** мастерских и заводских зданий вследствие недостатка в них воздуха. Вентиляция стоит ниже всякой критики. Кроме того, при интенсивной и поспешной работе в больших количествах употреблялись разнообразные масла, керосин и пр. Все эти продукты давали вредные для здоровья рабочих испарения. С другой стороны выделялось много металлической пыли, которая, даже несмотря на смягчающие действия масла, пластом ложилась на легкие рабочих".[76]

Травматизм на заводах был повседневным явлением. "На Франко-Русском заводе увечность в 1914 г. составляла 21,7 на 100 занятых рабочих. Причем в некоторых цехах она была значительно выше (установочном - 32 на 100, литейном - 28,4). Средняя продолжительность потери трудоспособности вследствие несчастных случаев составляла 12,2 дней. Главную массу пострадавших дали неквалифицированные рабочие".[77] Указанное количество дней временной нетрудоспособности объяснялось тем, что недолечившиеся

стремились поскорее выйти на работу, так как по закону заводоуправления имели право их увольнять, если заболевание продолжалось свыше двух недель подряд.

Приходившие в город на заработки деревенские мужики быстро утрачивали здоровье, а вместе с ним и трудоспособность. В частности, "из статьи в профессиональном журнале рабочих металлистов "Металлист", в котором давался обзор санитарных условий труда металлистов, мы узнаем, что, например, на Балтийском судостроительном заводе через 5 лет работы оставались здоровыми 53% рабочих, через 10 лет - 26%, а через 15 лет - всего 4%."[78] При этом рабочих, утративших более 15% трудоспособности, которую определял врач того же заводоуправления, увольняли. Предельный возраст для принимаемых на фабрику составлял 40 лет.[79] Участью же тех, кто терял трудоспособность, было либо возвращение в деревню, либо жизнь подаяниями.

Бедствия из-за чрезвычайно низкой зарплаты, помноженные на изнурительный труд, сопровождавшиеся скороприходящейся потерей трудоспособности, тормозили процессы формирования фабрично-заводского пролетариата. Но как раз эти бедствия в условиях России были той предпосылкой, которые обеспечивали рост ее промышленности.

В первое десятилетие XX в. годовая средняя зарплата рабочего на фабриках и заводах европейской России равнялась 204 руб. 71 коп. Если включить в нее расходы предприятий на жилье в размере 4 руб. 21 коп., то все расходы на содержание фабрично-заводского рабочего круглым счетом составят 209 руб.[80] Между тем, как пишет С. Н. Прокопович, "при заработке менее 400 руб. число женатых рабочих ничтожно; при заработке рабочего в 400-600 руб. большинство рабочих женаты; при заработке выше 600 руб. рабочие получают возможность воспитывать детей".[81]

Но при зарплате свыше 600 руб. российская промышленность вообще не могла бы существовать. Согласно массовым статистическим данным, собранным накануне Первой мировой войны, чистая продукция среднего рабочего в промышленности и транспорте, по сведениям, приводимым С. Г. Струмилиным, составляла 635 руб. в год.[82] Такую же приблизительно оценку мы находим и в работе, опубликованной под редакцией С. Н. Прокоповича, где ее величина определяется в 584,2 рублей.[83] Таким образом, при зарплате свыше 600 руб. российская промышленность вообще не могла создавать прибавочную стоимость, за счет которой существовали не только владельцы акционерного капитала, но и управленческий персонал. Зато при зарплате 209 руб. ее норма составляла свыше 300%, обеспечивая громадные прибыли не только для промышленного роста, но и для преуспевающего житья всех, кому она доставалась.

Позднее, придя к власти, большевики проводили политику, соответствующую этим особенностям развития российской промышленности с ее непомерной нормой прибавочной стоимости и чрезвычайно низкой оплатой труда. В своих теоретических разработках они были упоенными грезами о коммунизме волюнтаристами, в своих практических решениях максимизации

производства прибавочной стоимости - трезвыми реалистами, исходившими из исторически сложившейся российской действительности.

Чрезвычайно низкая оплата труда фабрично-заводских рабочих была возможна лишь потому, что деревня, в которой оставалась семья рабочего, субсидировала воспроизводство рабочей силы в городской промышленности вообще и фабрично-заводской в частности, где, как правило, без семьи трудились одинокие выходцы из сельской местности. Им не нужно было платить пособий по безработице, тратить средства в случае утраты работоспособности и увечий. Все эти расходы в основном ложились на деревню, откуда на заработки уходили разорявшиеся крестьяне, оплачивавшие из своего скудного заработка "свою долю" общинных расходов.

В частности, у одиноких московских текстильщиков переводы денег в деревню составляли 18,1% расходной части бюджета, у петербургских - 10,9%.[84] Основной контингент уходивших на заработки составляли крестьяне Нечерноземья, где выкупные платежи за землю, при рыночной цене в 179,9 млн. руб. равнялись 342 млн. руб.[85] Громадные выкупные платежи вынуждали здесь разорявшихся крестьян уходить на заработки в города либо трудиться в качестве кустарей на скупщика в деревне, где оплата труда была выше, чем плата за труд на сельских работах. "Молодежь в количестве от двух третей до три четвертых, - пишет М. Балабанов, - уходит на фабрики, где живется сноснее, и в деревне остаются одни старики".[86] Помимо стариков здесь проживали и те, кто, успев повариться в "фабричном котле" и утратить здоровье, возвращались в деревню, чтобы доживать остаток жизни.

В то же время разрешения временно покидать общину служили здесь немаловажным источником обогащения общинной верхушки. "Сельские общества, - пишет М. Балобанов, - в особенности в районах фабричного отхода, стали требовать от фабричных уплаты ежегодно 7-10 рублей за снятую у них землю, так что фабричный, отдавая свой надел, вносил еще вдобавок обществу определенную сумму".[87]

Иначе складывались отношения крестьян с помещиками в районах Черноземья. Земля здесь представляла наибольшую ценность. Поэтому помещики, стремились удержать у себя как можно больше угодий, с лихвой компенсируя себя доходами от крестьянских отработок при меньшей, чем в промышленных губерниях разнице между выкупными платежами за землю и ее рыночной ценой (341,5 млн. руб. против 283,9 млн. руб.)[88] Общинная же верхушка была заинтересована здесь в том, чтобы иметь как можно больше в своем распоряжении земель и потому не ставила существенных преград переселению крестьян в Сибирь и районы Причерноморья.[89]

Сходную картину мы наблюдаем и в странах Востока, где в обстановке натурального хозяйства отходничество - массовый уход без семьи разорявшихся крестьян на заработки - было одной из ведущих, (а порой и единственной формой) форм колониальной эксплуатации. Однако, если в России массовое разорение крестьян происходило в условиях сохранения пережитков помещичьего землевладения, то на Востоке помещичьего землевладения, как

правило, не было. Тем не менее, и здесь и там денежные налоги понуждали разорявшихся крестьян временно покидать общину. И здесь и там налоги были платой за пользование землей, которой распоряжались общинные власти.

Что касается районов торгового земледелия аграрного Востока, то отработки здесь были порождены опять-таки не сохранявшимся помещичьим землевладением, а вторжением в сельское хозяйство торгового капитала иностранных корпораций, порождавших обширные цепи местных посредников, наживавшихся на крестьянских отработках. Последние, наполняя капиталистическим содержанием традиционные отношения, обеспечивали сохранение в деревне привычных форм производственных связей.

Россия опережала аграрный Восток, но отставала от Западной Европы, где уже в последние десятилетия XIX в. и в городе и в деревне наметился рост реальной заработной платы, породив в качестве ведущей тенденцию массового формирования кадрового рабочего класса вообще и фабрично-заводского в особенности, для которого постоянная работа по найму была единственным источником существования.

Что касается России, то она была одной из тех европейских стран, где заработная плата была наиболее низкой. Так, в 1905 г. среднемесячный заработок слесаря в Англии составлял 64-78 руб., в Германии - 56-64 руб., в Петербурге - 46 руб. 80 коп.; токаря в Англии - 64-78 руб., в Германии - 58-66 руб., в Петербурге - 48 руб. 60 коп.; чернорабочего в Англии - 39-47 руб., Германии - 39-47 руб., в Петербурге - 21 руб. 60 коп. Комментируя эти цифры, авторы "Материалов об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу" пишут: "Чернорабочие за границей зарабатывают вдвое больше, чем у нас! Заметьте, что приведенные цифры об Англии и Германии относятся к 1905 г. 1906-1907 гг. дали значительный рост платы в обоих государствах".[90]

Российское фабричное законодательство было одним из самых отсталых в Европе. Пропитанное духом полицейского произвола, олицетворяемого самодержавным императором, оно неукоснительно стояло на страже интересов владельцев фабрик и заводов. В то время как фабриканты при нарушении предписаний законодательства, в крайнем случае, могли отделываться штрафами, рабочие этим же законодательством считались уголовными преступниками. Между тем в передовых странах Западной Европы подобные способы решения производственных конфликтов уже стали атрибутом прошлого. "Наказание предпринимателям за нарушение фабричного законодательства, - пишет Ю. Филонов, - закон 1886 г. устанавливал в виде штрафа не свыше 300 руб. Одновременно им были введены наказания для рабочего за стачки. Для подстрекателей стачки закон предусматривал тюремное заключение от 4 до 8, для рядовых забастовщиков - от 2 до 4 месяцев. За насилие и угрозы штрейкбрехерам руководители стачки карались арестом от 8 месяцев до года 4 месяцев, рядовые стачечники от 4 до 8 месяцев".[91] Вплоть до 1905 г. рабочие не могли объединяться в профсоюзы - попытки их создавать считались уголовным преступлением.

Преступлением считался и самовольный отказ от работы до истечения срока найма или при найме на неопределенный срок без предупреждения за две недели. "По свидетельству большинства инспекторов такое нарушение рабочими закона для них положительно вынуждено. Заявив отказ от работы с предупреждением даже за две недели, рабочий берет работу при первом же удобном случае на другой фабрике, где, конечно, не желают дожидаться, когда он отработает срок на прежнем месте, и рабочий вынужден уйти до установленного срока".[92] Тем не менее, за вторую половину 1900 г. фабричные инспекторы привлекли к судебной ответственности 842 рабочих - 32,2% рассмотренных случаев самовольного отказа от работы по найму.[93]

В целом фабричное законодательство носило широковещательный "лоскутный" характер и в большинстве случаев не охватывало всех фабрично-заводских рабочих. К тому же, в интересах работодателей, в него постоянно вносились масса дополнений, расширявших сферу эксплуатации на фабриках и заводах. Так, временным законом 3 июня 1885 г. была воспрещена ночная работа подростков (15-17 лет) и женщин в хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном производствах. Затем закон был распространен на некоторые работы в фарфоровом и спичечном производствах, а в 1897 г. под его действие попали все предприятия по обработке волокнистых веществ. Однако еще до этого, "24 апреля 1890 г., правительство под давлением московских текстильных фабрикантов издало закон, который давал право фабричным инспекторам разрешать воскресную и праздничную работу малолетних. По этому же закону фабричные присутствия, а там, где их не было, губернаторы получали право допускать ночную работу женщин и подростков от 15 до 17 лет. А министерство финансов имело право по соглашению с министерством внутренних дел разрешать на известный срок работу детей 10-12 лет."[94]

То же самое происходило с законодательным ограничением рабочего дня. "В июне 1897 г. он был ограничен 11,5% часами. Однако 20 сентября 1897 г. министерство финансов по соглашению с министерством внутренних дел издало правила, позволявшие по "техническим причинам" в некоторых случаях увеличивать рабочий день до 16 и даже 18 часов в сутки и допускали повышение средней продолжительности рабочего времени с 11,5 до 12 часов. Ограничив необязательные сверхурочные работы 120 часами в году, они предусматривали еще обязательные сверхурочные по техническим причинам без всяких ограничений".[95]

Следует учитывать, что государственная власть, возглавляемая самодержавным императором, выступала в трудовых конфликтах в роли арбитра. Непорочный образ царя в ореоле защитника "слабого" от "сильного" широко пропагандировался не только в казенной печати, но и на проводимых администрацией фабричных собраниях во время праздников царствующего дома, а также с амвонов многочисленных церквей. Крестьянская вера рабочих в доброго царя вплоть до расстрела 9 января 1905 г. воспитывалась с детства в церковно-приходских школах - единственных школах, доступных для большинства крестьянских детей. Будучи бессильны самим добиться сносного

существования, фабрично-заводские рабочие апеллировали к царским сановникам - губернаторам, несмотря на проводившиеся по их указаниям массовые расстрелы, порки и аресты в ходе подавления стихийных рабочих бунтов.

Эти бунты были непосредственно направлены против заводоуправлений, возглавлявшихся директорами. Таким, например, был бунт в Сормово в 1899 г., вызванный задержкой заработной платы. "Рабочие собрались в количестве более 1000 чел. и, по словам жандармского доклада, разгромили контору, квартиру директора Фосса и некоторые цеха. По жандармским сведениям, в квартире директора были выбиты все стекла (24 рамы), причем сам он был встречен шумными, негодующими возгласами рабочих, бросавших в него камни. Вслед за директорской была разгромлена квартира инж. Лемана. Затем возмущенная масса двинулась на электростанцию, у которой взломала двери, одну из машин засыпала песком, попортила указатели на распределительной доске, сожгла брезент с электрического элеватора и выбила все стекла в здании станции. Станция работать не могла. Дальше были выбиты окна в железопрокатном и ново-механических цехах; в главной конторе выбито 96 окон и порвана часть деловых бумаг; в канцелярии пристава, кроме стекол, выломана часть оконных рам, уничтожены частью полицейские бумаги и разбит ящик с вещественными доказательствами".[96]

Подобный бунт в том же году произошел и на Никольско-Ореховских фабриках, где трудились 30000 рабочих. Как указывается в документе того времени, в нем участвовало 7000 рабочих. "Сожжено 4 дома, разграблено помещение директора фабрики, расхищено имущество тысяч на 60 и товара тысяч 50; в помещении фабрик выбито 12000 оконных стекол. Причина беспорядков была пустая: 350 прядильщиков остались чем-то недовольны, к ним примкнуло до 7000 других рабочих, и совместно произвели беспорядки".[97]

В Твери в октябре 1898 г. во время стачки рабочие морозовской фабрики побили стекла. В следующем году разгромили контору, резали и рвали основы, били станки и чуть не убили директора.[98]

Во время таких бунтов и стачек требования обычно выдвигались лишь после того, как рабочие, возмущенные действиями администрации, стихийно прекращали работать. "По большей части, - пишет В. Гриневич, - требования рабочих вырабатывались и предъявлялись уже тогда, когда рабочие бросали работу, когда стачка фактически была объявлена. Руководство организации заменялось руководством одного или нескольких главарей рабочих, выдвинувшихся в ходе стачки своею сознательностью и энергией". Другой особенностью прекращения работы возмущенных рабочих была скоротечность стачек. Внезапно начинаясь, забастовки обычно прекращались через несколько дней. По данным, опубликованным В. Гриневичем, в Англии средняя продолжительность стачки составляла 34,2 дня, во Франции - 14,3 дня, в Австрии - 12,1 дня, в Италии - 10,3 дня, в России в 1895 - 1904 гг. всего 4,8 дня.[99]

В то время как в передовых странах Западной Европы трудовые конфликты решались в ходе переговоров профсоюзов с администрацией относительно

условий продажи рабочей силы, у российских фабрично-заводских рабочих таких возможностей не было. Согласно российскому законодательству, " виновные в принадлежности сообществу, имеющему целью возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбуждение к устройству стачек подлежат наказанию от заключения в крепость на 8 месяцев до лишения всех основных прав и преимуществ и ссылки на житье в Сибирь".[100]

В условиях отсутствия таких "сообществ" общезаводские противостояния нередко заканчивались скоротечными стихийными бунтами, открытой гражданской войной между фабричными рабочими и возглавляемым директорами административно-управленческим персоналом; войной, в которой каждая из сторон пыталась силой навязать свое решение конфликта. Ее исход был предопределен, поскольку одни имели на вооружении только камни и палки, тогда как другие - вооруженную огнестрельным оружием заводскую охрану, получавшую неограниченную поддержку расстреливавших рабочих подразделений солдат и казаков. Парадокс истории: с точки зрения глубины противостояния между фабрично-заводскими рабочими и заводоуправлениями, Россия в силу своей отсталости опережала передовые страны Западной Европы, где социальные конфликты решались в рамках гражданских кодексов.

Эта же отсталость наложила свою печать и на природу конфликтов, порожденных условиями продажи рабочей силы. Если в передовых странах Западной Европы ведущей тенденцией было, говоря марксовым языком, развитие "расчлененной системы машин", то в России использовались лишь "частичные машины", наиболее характерные для эпохи незавершенного промышленного переворота. Каждый цех представлял кооперацию однородных "частичных" машин. Связи между отдельными фабрично-заводскими подразделениями осуществлялась посредством мускульной силы рабочих. В связи с этим у каждого цеха были свои специфические условия труда и его оплаты сплошь да рядом непосредственно не связанные с условиями труда и оплаты остальных подразделений. Возникавшие при этом проблемы решались преимущественно на цеховом уровне, что предопределяло особенности развития забастовочного движения. Последнее сплошь да рядом ограничивалось рамками отдельного цеха, что не исключало того, что такие стачки в разной степени порой поддерживали другие подразделения фабрики, нередко перерастая в стихийные бунты. Как правило, в забастовках участвовали далеко не все рабочие многотысячных коллективов фабрик и заводов.

Об этом свидетельствует, например, отчет фабричных инспекторов за 1903 г. Так в Петербургском округе было 30 забастовок, в том числе не более суток 7 (1006 рабочих), в среднем в одной забастовке участвовали 143 рабочих; до 2-х суток 12 (4565 рабочих), в среднем - 380 рабочих; до 3-х суток одна - 65 рабочих; до 4-х суток 5 - (3536 рабочих), в среднем 770 рабочих; до 5-ти суток 4 забастовки(4088 рабочих), в среднем 1022 рабочих; до 7-ми суток 5 (3262 рабочих), в среднем - 652 рабочих; до 14-ти суток 7 (6820 рабочих), в среднем - 974 рабочих.[101]

Учитывая многотысячную концентрацию рабочих в фабрично-заводских заведениях, рассматриваемая закономерность еще более четко прослеживается по данным Московского округа, где в том же году было зафиксировано 87 стачек, в том числе не более суток было 3 забастовки (63 рабочих), в среднем в одной забастовке участвовали 21 рабочих; до 2-х суток 24 забастовки (3814 рабочих), в среднем - 159 рабочих; до 3-х суток 34 забастовки (8540 рабочих), в среднем - 263 рабочих; до 4-х суток 16 забастовок (5030 рабочих), в среднем - 316 рабочих; до 5-ти суток 3 забастовки (531 рабочих), в среднем - 174 рабочих; до 6-ти суток 3 забастовки (850 рабочих), в среднем - 263 рабочих; до 7-ми суток 2 забастовки (555 рабочих) в среднем - 277 рабочих; до 14-ти суток 3 забастовки (1077 рабочих), в среднем - 359 рабочих; более 3-х недель одна забастовка (243 рабочих).[102]

Несмотря на ограниченность подобных способов борьбы, начиная от стачек и кончая стихийными бунтами, город именно благодаря фабрично-заводским рабочим на рубеже XIX-XX веков стал основой массового движения против царизма. В условиях сосредоточения на небольших площадях крупных масс жителей любые формы протеста находили живой отклик во всех классах городского населения, приучая к мысли неизбежности грядущей борьбы против царизма. К тому же во время стихийных бунтов рабочие были единственной силой, способной давать хоть скоротечный, но ожесточенный отпор верным царю войскам и казакам.

Политические же демонстрации других классов, настроения которых выражало преимущественно студенчество, были слишком малочисленны, менее способными оказывать массовое сопротивление войскам и полиции.

Иное дело фабрично-заводские рабочие. “В 1901 г., - пишет Д. Кольцов, - на Выборгской стороне 4 мая забастовали ткачи нескольких фабрик; против них были двинуты солдаты и полиция, рабочие забаррикадировались в двух переулках и, выбитые оттуда продолжали оказывать сопротивление в своих квартирах. На Шлиссельбургском тракте 3 тыс. рабочих Обуховского завода построили баррикады и встретили солдат градом каменьев. Солдаты открыли огонь, и 6 человек рабочих было убито, 8 тяжело ранено. 37 человек были преданы суду, причем двое приговорены к каторжным работам, 20 человек - к арестантским ротам, семеро к тюремному заключению и 8 оправдано”.[103]

Царское правительство не могло не учитывать громадный общественный резонанс подобных выступлений. Поэтому оно стремилось на корню пресекать стихийные бунты и забастовки посредством собственного упорядочивания конфликтов, привлекая для этого не только осуществлявших полицейский надзор фабричных инспекторов, но и создавая собственные легальные организации рабочих. Насаждавшийся “полицейский социализм” Зубатова не был случайностью. Согласно правительственному сообщению, целью создававшихся организаций было удовлетворение духовных и умственных интересов рабочих и отвлечение их от преступной пропаганды.

Особенно большой размах зубатовщина приняла в Петербурге, где в 1903 г. было создано “Общество русских фабрично-заводских рабочих” во главе с

Гапоном. В 1904 г. по его инициативе во всех районах города были созданы отделы, которые посещали почти 8 тыс. рабочих, в рамках законности обсуждавших свои нужды. Однако вскоре эти обсуждения вышли из-под полицейского контроля. В конце декабря 1904 г. администрация Путиловского завода уволила за принадлежность к гапоновскому обществу 4-х рабочих. 3-го января на заводе началась забастовка. Через 3 дня к ней присоединись 140 тыс. рабочих Петербурга, а к 7 января бастовал уже весь город. Потребовался расстрел 9 января, чтобы у фабрично-заводских рабочих исчезла наивная вера в благодетеля- царя. Тем не менее, царское правительство и позднее не отказывалось от попыток привлекать на свою сторону рабочих. В частности, с этой целью в ходе первой русской революции создавались черные сотни, спекулировавшие на антисемитских предрассудках наиболее отсталых рабочих масс.

Несмотря на принимаемые царизмом меры, критическая масса революционного взрыва в начале XX века неуклонно росла, не вызывая сомнения в скором начале штурма твердынь самодержавия, в связи с чем вопрос о самоопределении рождавшихся в этот период партий в отношении классов российского общества и роли последних в революции выдвинулся на передний план. Для партии, претендовавшей на роль защитника интересов пролетариата, самоопределение сводилось, прежде всего, к выработке ясности в отношении к рабочим вообще и фабрично-заводским рабочим в особенности.

В этой связи в феврале 1902 г. Ленин публикует брошюру “Что делать?”, в которой доказывал, что рабочий класс не способен самостоятельно бороться за социализм, что “стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает только тред-юнионизм), а тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе, - писал он, - и даже в политической революции нисколько еще не делает его политики социал-демократической (читай социалистической - Ю. И. и С. П.).”[104]

О том, какой крутой порот к этому времени совершил Ленин в оценке революционного потенциала фабрично-заводских рабочих, читатель может судить по его высказыванию 1894 г. “Положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений, - писал он тогда, - делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы”.[105]

Теперь же Ленин заявлял, что социалистическое сознание может быть привнесено в рабочий класс только извне, с помощью жестко централизованной партии профессиональных революционеров, занимающейся “работой, *сближающей и сливающей воедино* стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров”.[106]

В анализе противоречий он ограничивался дилеммой буржуазной и социалистической идеологии, на деле подразумевая под последней идеологию стремившегося к власти директората. Сама проектируемая им организация

профессиональных революционеров фактически представляла будущий остов административно-управленческого аппарата грядущей всероссийской фабрики - обстоятельство, на которое одним из первых обратил внимание меньшевик М. С. Макадзюб, писавший, что Ленину партия представляется огромной фабрикой с директором в виде ЦК во главе ее.[107] В такой фабрике рабочим отводилась роль толпы, управляемой спускаемыми сверху и не подлежащими критике директивами ЦК, как это на деле и произошло после победы Октября.

В этой связи весьма примечательно заявление Ленина о том, что "люди действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми".[108] Обычно именно так решаются вопросы на совещаниях директората, отвергающего право на существование всего, что, по его разумению, непригодно для практического решения рассматриваемых проблем. Не случайно и то, что позднее в 1905 г., на третьем съезде партии, была утверждена резолюция, согласно которой периферийные организации обладали только "совещательным голосом" при обсуждении партийных дел,[109] и, следовательно, не могли оспаривать директивы ЦК.

Недопущение критики снизу было новой тенденцией в развитии социалистического движения не только в России, но и в Западной Европе. Вспомним в этой связи известное замечание Энгельса. "Рабочее движение, - писал он, - основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в наших рядах?"[110] Как раз этого и добивались большевики.

Ленин полагал, что противостояние рабочих и административно-управленческого персонала может быть преодолено, если рабочая сила перестанет быть товаром, порождающим забастовки. "Профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам, - писал В. И. Ленин, - удается в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот "товар" в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар..."[111]

Изменение же условий, превращающих рабочую силу в товар, на деле означало ликвидацию рынка и появление "единой всероссийской фабрики". Позднее накануне Октября, - Ленин, в частности, писал, что социализм будет означать совокупность "работников и служащих *одного* крупного "синдиката" при полном подчинении "всей работы этого синдиката государству". Все общество, - предсказывал далее он, - будет одной конторой и одной фабрикой" с "фабричной дисциплиной", которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество".[112]

Как известно, в Европе многопартийность начиналась с периода длительного существования буржуазных партий, завершавшаяся позднее появлением организаций директората, ставивших задачей борьбу за социализм.

В самодержавной же России многопартийность начиналась наоборот: с зарождения пробуждавшегося к политической жизни директората. Создававшаяся социал-демократическая партия вопреки бесконечным заверениям ее вождей с самого начала не была рабочей. Из 55 делегатов с решающим и совещательным голосами на ее II съезде всего лишь четыре были выходцами из рабочей среды.[113] Рабочие действительно не только не могли самостоятельно выработать социалистическую идеологию, тождественную идеологии директората, (Ленин в этом был прав) но и противостояли последнему как классу, имеющему противоположные интересы.

Вместе с тем наметившийся на этом съезде раскол еще имел преимущественно идеологическую и теоретическую окраску, мало сказываясь до начала революции на практической деятельности партийных организаций. Камнем преткновения, послужившим позднее основанием непримиримого противостояния большевиков и меньшевиков, в конечном счете, стал вопрос об исторических судьбах рынка. В стоявшей на пороге революции России с ее неразвитым внутренним рынком, этот раскол между коммунистами и социалистами произошел намного раньше, чем в остальных европейских странах, переживавших тогда период мирного развития.

В отличие от большевиков меньшевики исходили из неизбежности существования в обозримом будущем рынка и присущих ему конфликтов, а значит и идеалов свободы и равенства, которые, по точному определению Маркса, по сути, есть ничто иное как "идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями".[114] Все споры, начиная с устава и кончая программными установками, в конце концов сводились к тому, какой быть постреволюционной России, безрыночной или рыночной.

Согласно прогнозам меньшевиков, Россия после свержения царизма должна была развиваться, по их утверждению, по буржуазному пути в условиях сохранения частной собственности, в связи с чем, как они полагали, необходимо использовать все возможности, чтобы избавляться от пережитков средневековья и принимать активное участие в борьбе рабочих за улучшение условий продажи рабочей силы. "Поднять рабочий класс, - писал Ю. О. Мартов, - и повести на организованную классовую борьбу с политическими задачами социал-демократия сможет, только, взяв на себя роль организатора его первых, стихийно возникающих, чисто экономических движений, и роль руководительницы рабочих в их повседневных конфликтах с предпринимателями на почве вопросов оплаты, помещения, условий труда и т. п. Воздерживаясь, до поры до времени, от выставления перед массами более широких задач, социал-демократия должна предоставить опыту самой борьбы столкнуть рабочих уже не с отдельным предпринимателем, а с целым классом буржуазии и стоящей за ней государственной властью и на почве этого опыта расширять и углублять свою агитацию".[115] Мартов здесь явно недооценивал тот факт, что фабрично-заводские рабочие в своей борьбе непосредственно сталкивались не с классом буржуазии, а с классом, представленным

административно-управленческим персоналом, углубляя тем самым существовавшую между ними пропасть.

Следуя принципу "организации процесса" меньшевики полагали, что они смогут в будущем демократическим путем прийти к власти, установив "диктатуру пролетариата". На такую возможность прихода к власти в странах с развитой рыночной экономикой указывал, между прочим, еще Энгельс. "Можно себе представить, - писал он, - что старое общество могло бы мирно врастать в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь с собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях как Англия..."[116]

Однако и при таком "мирном врастании" к власти пришел бы не пролетариат, а партия административно- управленческого персонала акционированных предприятий, которая в России, несмотря на тщетные демократические устремления ее организаторов- меньшевиков, строилась сверху, тогда как низовые организации так или иначе следовали указаниям ее ЦК. Что же касается фабрично-заводских рабочих, то их борьба, в том числе и забастовочная, за улучшение условий жизни регулировалась бы рыночными методами, находившимися у власти социалистами.

Первоочередную защиту интересов рабочих провозглашала и зарождавшаяся крестьянская партия социалистов-революционеров, объединившая существовавшие в 90-х гг. народнические группы и кружки. Именно народники были первыми переводчиками и распространителями идей марксизма в России, черпая в них обоснование своим утверждениям о том, что Россия может миновать капитализм. Как известно Маркс обосновано полагал, что при условии победы социалистической революции в Европе Россия может избежать "все роковые злоключения капиталистического строя"[117]

В "Манифесте" 1900 г. - первом программном документе объединенных организаций эсеров, куда входили воронежская и петербургская организации, указывалось: "Из всех классов трудящегося населения промышленный пролетариат у нас, точно так же как и в Западной Европе является наиболее культурным и, следовательно, наиболее восприимчивым к революционно-социалистическому воздействию. Объединенный процессом капиталистического производства он может быть организован для революционной борьбы легче и скорее, чем всякий другой из числа рабочих классов, чем пролетариат сельскохозяйственный или близкое к нему мелкое крестьянство. Поэтому на первое место в нашей программе мы выдвигаем революционную деятельность в фабрично-заводской среде".[118] На этом документе, несомненно, сказалась печать представлений сельской бедноты, покидавшей деревню, чтобы на фабриках и заводах заработать себе на жизнь.

Подобные представления явно прослеживаются и позднее в документах Аграрно-социалистической лиги, заключившей в июле 1902 г. федеративный договор с партией социалистов-революционеров. Лига заявляла, что она следует основным принципам международного социализма, добиваясь "уничтожения

частной собственности на землю и прочие средства производства, как необходимого условия устранения эксплуатации труда капиталом во всех ее формах". Она "не исключала из своих планов возможности захвата власти и диктатуры революционной интеллигенции и пролетариата в центрах с целью дать толчок оппозиционному движению во всей стране".[119]

Вместе с тем и в Лиге широкое хождение получили идеи "прорастания" социализма в деревне раньше, чем в городе. Идеи большей подготовленности крестьян, если не к борьбе, то к социализму по сравнению с остальными общественными классами. Как известно такого рода идеи позднее получили широкое хождение на аграрном Востоке.

Объективно лига выражала настроения и чаяния бедняцкой массы крестьян, которые позднее стали социальной опорой движения левых эсеров, поддерживавших большевиков. Что же касается партии социалистов-революционеров, основателем которой был Чернов, то ее подлинной социальной основой было российское кулачество (в российской общественно-политической литературе термин кулачество получил право гражданства задолго до большевиков), широко использовавшее методы неразвитой капиталистической эксплуатации бедняцкой части деревни в виде отработок на почве ростовщичества, сдачи в аренду пахоты, покосов, скота и т. д., т. е. методов, типичных для эксплуатации не промышленного, а торгово-ростовщического капитала.

В условиях низкой производительности труда использование найма в зажиточных крестьянских хозяйствах было невыгодным. Из всех европейских стран урожайность зерновых в России была самой низкой. В частности, в течение 1901-1906 гг. сбор пшеницы с десятины посева составлял всего 42,6 пудов.[120] Согласно данным Соковнина, валовой доход с десятины крестьянского посева в черноземной полосе за вычетом семян составлял 20 руб. 76 коп. минус арендная плата 9 руб. 20 коп. Итого крестьянину оставалось 11 руб. 56 коп. Однако если бы он использовал труд наемного рабочего, то при зарплате 15 руб. 10 коп. убыток арендатора составил бы 3 руб. 54 коп.[121]

Еще большая невыгодность использования наемного труда в хозяйствах, производивших товарную продукцию, была характерна для стран Востока,[122] где отработки, возникавшие на почве торгово-ростовщического капитала, камуфлировали традиционные аграрные отношения, свойственные сплошь да рядом натуральному хозяйству. В советской научной литературе их обычно трактовали как первобытно коммунистические в целях обоснования возможности некапиталистического развития.

В отличие от России фабрично-заводской пролетариат здесь был крайне малочислен либо его не было вовсе. Поэтому собственно коммунистическое движение большевистского типа здесь развивалось в качестве одной из форм движения полудеклассированной деревенской бедноты. В тех случаях, когда такие движения, блокируясь с антиимпериалистически настроенной общинной верхушкой, опирались на помощь СССР, они объявлялись феноменом некапиталистического развития.

Там же, где между рассматриваемыми социальными силами происходил раскол, в качестве примера стоит привести Китай, разворачивалась война между коммунистами, опиравшимися на полудеклассированных крестьян, и гоминданом, опиравшимся на землевладельческую верхушку деревни. Примечательно, что как и в России, так и аграрном Востоке осевое противостояние противоположных классовых сил в крестьянской среде происходило на почве отношения к рынку. Сторонники защиты традиционных ценностей, наживавшиеся на продаже продукции, признавали необходимость существования рынка, сторонники полудеклассированных крестьянских слоев его отрицали.

Фактически в начале XX века все зарождавшиеся революционные партии России испытали на себе могучее влияние марксизма - идеологии рождавшегося директората. При всех различиях социальной базы все они считали себя частью европейского рабочего движения и полагали, что свержение царизма приведет к торжеству социализма. Что же касается способов ведения борьбы с царизмом, то несмотря на идеологические и политические разногласия они во многом оказывались схожими: все в той или иной степени признавали необходимость агитации и пропаганды, необходимость террора, в том числе в зависимости от обстоятельств и индивидуального, проведения экспроприаций и использования методов вооруженной борьбы. Лишь позднее, в ходе развития революции выявлялась как противоположность конечных целей партийных фракций, так и их тактические различия в борьбе против царизма, а вместе с ними и нараставшее политическое противостояние, сопровождавшееся незатухавшей борьбой между ними, что, естественно, не исключало их совместных выступлений, как и партий в целом против общего врага.

Важно и то, что зарождавшиеся революционные партии рассматривали борьбу с царизмом исключительно под углом зрения ликвидации пережитков средневековья. В этой связи, Ленин, например, полагал, что основным вопросом русской революции является вопрос о судьбах помещичьего землевладения. "И конец XIX века, - писал он, - застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни".[123] Отсюда его постоянные рассуждения о возможности прусского и американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве и предпочтительности последнего над первым.

В действительности и тот, и другой путь в России конца XIX века уже давно стал невозможным. Ленин не в полной мере учитывал то, что царизм тысячами нитей был связан с акционерным капиталом, определявшим развитие экономики страны. Именно кризис проводившейся царизмом империалистической политики этого капитала, кризис, выразившейся в поражении царизма в русско-японской войне, породил первую русскую революцию, в которой ликвидация помещичьего землевладения была лишь подчиненной частью борьбы с

самодержавием как таковым, оказавшимся неспособным защитить интересы корпоративного капитала и поставившим тем самым страну на грань национальной катастрофы. Не судьбы прусского и американского пути развития капитализма, а судьбы войны и мира, обусловленные поражением в захватнических войнах, породили все русские революции, завершившиеся гибелью царизма и приходом к власти большевиков.

Здесь вряд ли стоит задерживать внимание читателя на уже весьма подробно описанных в научной и популярной литературе перипетиях первой русской революции. Гораздо меньше у нас писалось в том числе и в научных исследованиях об участии в ней фабрично-заводских рабочих, сыгравших решающую роль в развитии революционного процесса в России.

После 9-го января тяга отстаивающих свои нужды рабочих к созданию собственных организаций стала ведущей. В обстановке нараставшего революционного кризиса первые производственные профсоюзы явочным порядком возникали там, где производство было оснащено только одинаковыми "частичными машинами", либо преобладал однотипный ручной труд. Это были средние и мелкие предприятия. Так возникли, в частности, профсоюзы портных, приказчиков, булочников, садовников, официантов, извозчиков и т. д., проводившие экономические стачки.

По иному протекал процесс создания классовых организаций у фабрично-заводских рабочих. Они трудились на крупных предприятиях, представлявших совокупность разных производств, каждое со своими "частичными машинами", со своими специфическими условиями труда. Поэтому на фабриках и заводах не могли возникнуть единые для всех фабричных подразделений профсоюзы.

Последние строились по профессиям, объединяя по цеховому принципу рабочих однотипных производств многих фабрик и заводов. "Но что такое Союз? - указывалось в листовке псковской группы социал-демократов. Это иначе сказать, условие между рабочими одного цеха. А так как союзы состоят из рабочих одного цеха (ведь рабочим одного цеха легче договориться), то и называют их профессиональными. Возьмем, к примеру, портняжий цех: собрались рабочие портные и решили устроить союз. Они подыскивают квартиру (у знакомых, в мастерской или нанимают, как удобнее), собираются и вместе обсуждают и решают свои дела, т. е. все, что касается рабочих этого цеха г. Пскова. Например, в какой-нибудь мастерской темно, грязно, заработная плата мала, одним словом, условия работы скверные. Вот рабочие этой мастерской заявляют об этом союзу, союз вырабатывает требования, которые предъявляют хозяину этой мастерской".[124]

По этой же причине созданные по инициативе социал-демократов в Петербурге и Москве Центральные бюро профессиональных союзов, отстаивавшие производственные начала профсоюзного строительства, на фабриках и заводах успеха не имели. Общезаводские организации формировались здесь не профсоюзами, а выборными от рабочих всех фабричных подразделений.

Под названием старост подобные выборные существовали еще до революции 1905 г. Инициатором их выборов было опять-таки царское правительство, стремившееся устранить забастовки и предотвратить возникавшие на их почве стихийные бунты. В соответствии с законом 1903 г. рабочие имели право, в случае согласия хозяина, выбирать фабричных старост, из числа которых администрация отбирала избранных на эту должность. Будучи ставленниками администрации, оказать существенное влияние на поведение рабочих, фабричные старосты не могли. Подлинное значение закона заключалось в другом - впервые на фабриках и заводах появились организации, в которых каждый цех, каждое подразделение получили возможность высказывать свое мнение при обсуждении общефабричных дел.

С точки зрения предотвращения забастовок и стихийных бунтов институт фабричных старост оказался беспомощным. Более того, во время революции он превратился в свою противоположность, подсказав рабочим, как нужно строить свои собственные классовые организации на фабрично-заводском уровне. В период революционного подъема рабочие самочинно, путем прямого и равного голосования, не считаясь с мнением администрации, выбирали представителей своих фабричных подразделений. На их основе возникали фабрично-заводские комитеты предприятий - прообразы фабзавкомов 1917 г., пытавшихся под свою диктовку наладить дезорганизованное войной производство. Их дальнейшим шагом было выдвижение представителей фабрик и заводов в советы рабочих депутатов для организации совместных стачек и выдвижения общих политических требований в борьбе с царизмом, опиравшимся в своих контрреволюционных маневрах на поддержку фабрично-заводской администрации и владельцев акционерного капитала.

О том, какую качественно новую ступень организованности приобретало рабочее движение под руководством советов рабочих депутатов можно, судить, например, по деятельности совета Кинешмских мануфактур. "В средних числах августа (1905 г. - Ю. И. и С. П.), - пишет Д. Кольцов, - в Кинешме забастовали 2 тыс. рабочих фабрики братьев Разореновых, предъявив экономические требования. Фабрика перешла во власть рабочих, так как администрация скрылась. Рабочие захватили ключи от помещений и никого посторонних не пускали. Всем ведал совет рабочих депутатов. На фабрике царил образцовый порядок. Пьянство было запрещено под страхом штрафов и удаления с фабрики. Потребительская лавка (на средства фабрики и рабочих) дала возможность держаться долгое время, так как провизии было запасено много. Ежедневно происходили сходки, на которые все рабочие обязаны были явиться, и за неявку налагался штраф".[125]

В ходе проведения советами стачек уже нет и намека на разрушение фабричного оборудования, расхищение фабричного имущества, битья стекол и т. п., что не исключало в случае наступления голода погрома городских лавок, поджогов дач фабрикантов и т. д., как это было, например, во время описанной Фурмановым известной 72- ух дневной стачки иваново-вознесенских рабочих, выставивших не только экономические, но и политические требования.[126]

Важно и то, что профсоюзы всемерно поддерживали деятельность советов, созданных фабрично-заводскими комитетами. В частности, в уставе возникшего в ноябре 1905 г. профсоюза текстильщиков было записано "требование признания избранных рабочими депутатов, без согласия которых предприниматели не имели бы права нанимать и увольнять рабочих, устанавливать расценки и правила внутреннего распорядка на фабриках. Устав требовал также свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища".[127] Представители администрации в профсоюзы рабочих и советы не допускались.[128]

Особенно многогранной была деятельность Петербургского совета рабочих депутатов, приобретавшего черты всероссийского центра. К нему присылали представителей советов других городов: Сормово, Саратова, Твери, Воткинского завода Перми и др.

Петербургский совет рабочих депутатов, называвший себя Советом депутатов петербургских фабрик и заводов, возник 13 октября 1905 г. в ходе всеобщей октябрьской стачки, породившей призыв создать совет "уполномоченных от фабрик и заводов". В его состав вошли представители 40 предприятий. Председателем Совета вначале был меньшевик С. Зборовский, затем его сменил Хрусталев (Георгий Носарь). После ареста Хрусталева 26 ноября 1905 г. председателем Совета был избран Троцкий. 17 октября вышел первый номер "Известий" - газеты Совета. В середине ноября 1905 г. Петербургский совет насчитывал 562 депутата, представлявших 147 заводов и фабрик, 34 мастерских и 16 профсоюзов.

Одним из первых его решений 13 октября были требования создания народной милиции, удаления из города полиции, амнистии всем осужденным за политические и религиозные убеждения, отмены военного положения и созыв учредительного собрания. Народная милиция формировалась из плохо вооруженных отрядов рабочих и дружин, организованных социалистическими партиями и отрядов учащейся молодежи.

"14 октября советом было решено предъявить гор. управлению требования о мерах для регулирования продовольствия рабочей массы, об отводе помещений для митингов, о прекращении выдачи продовольствия на полицию и жандармерию, об удалении войск с городского водопровода и т. д. А главное - о выдаче из городских средств денег совету рабочих депутатов для вооружения пролетариата".[129] 19 октября совет декретировал свободу печати.

Вспомним в этой связи высказывание Ленина 1902 г. о том, что "классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне,* т. е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих с хозяевами".[130] Фактически же, создав советы, фабрично-заводские рабочие по сути дела доказали, что они сами в состоянии вести решительную политическую борьбу против царизма, быть, вопреки утверждениям Ленина об их неспособности, " впереди всех в обстановке, обострении и разрешении всякого демократического вопроса", не замыкаясь таким образом исключительно сферой отношений на предприятиях, где они трудились.

Сами способы, методы борьбы фабрично-заводских рабочих определялись их местом в системе производства прибавочной стоимости, порожденной акционерным капиталом. Неслучайно поэтому, как обосновано указывал Троцкий, "главным средством борьбы в руках Совета была политическая забастовка - метод, свойственный исключительно пролетариату, как классу наемного труда".[131]

Временный отказ трудиться - основная форма протеста фабрично-заводских рабочих, на почве которого рождается их сплоченность, а, следовательно, и организованность в достижении собственных целей. В то же время, будучи участниками рынка в качестве продавцов рабочей силы, они непосредственно заинтересованы в существовании свойственных рынку демократических свобод, что предопределяло их авангардную роль в борьбе против самодержавия.

Революция пробудила фабрично-заводских рабочих к активной политической борьбе против самодержавия, но они действительно не могли и не хотели подниматься до требований того безрыночного социализма, который им навязывали большевики, заявлявшие, что "вражда к социал-демократии среди пролетариата есть остаток буржуазных воззрений среди пролетариата".[132]

Вместе с тем революция привнесла качественно новое и в экономическую борьбу фабрично-заводских рабочих, сменяя былую стихийность заранее подготовленными организованными выступлениями. Российские рабочие в революционной обстановке стремительно усваивали те самые приемы и методы классовой борьбы, которые широко практиковались рабочими Западной Европы. "После октябрьской победы, - отмечается в сборнике "Общественное движение в России", - каждая профессия стремилась воспользоваться "свободами" и вырвать у хозяина максимум уступок. Но октябрьско-ноябрьская забастовка были уже не февральскими, в большинстве случаев еще стихийными забастовками. Почти всякой забастовке теперь предшествовал ряд предварительных собраний; образовывались временные стачечные комитеты или кассы, а в Петербурге, где уже имелся рабочий совет (и там, где впоследствии образовались такие советы) стачкой руководила через депутатов той или иной забастовавшей фабрики, эта общая организация".[133]

Пользуясь революционной обстановкой, породившей бессилие администрации, советы по своей инициативе сокращали рабочий день и снижали нормы выработки на фабриках и заводах. В частности, как пишет В. Гриневич, - "В 1905 г. в первую половину года из 180 тыс. текстильщиков в Московской губернии большинство еще работало по 11,5 часов (около трех пятых) и тысяч 40 работали односменный 10-часовой и двухсменный 9-часовой. Через год в 1906 г. всего одна восьмая рабочих трудилась по 11,5 часов. Главная масса распределялась на односменной 10-ти часовой и 2-х сменной 9-ти часовой... Ночные работы сохранились всего на 20-ти фабриках с 5-тью тыс. рабочих".[134]

Но революционный подъем - условие самодеятельности фабрично-заводских комитетов и советов был короток - всего два месяца. Революционный потенциал участвовавших в революции классов - рабочих и крестьян - вызревал разными темпами. В то время как фабрично-заводские рабочие, став авангардом

революционного движения, добивались ликвидации самодержавия, крестьянство еще не доросло до понимания необходимости борьбы с самодержавным строем, а зарождавшееся брожение в войсках еще не перерастало в повсеместные выступления на стороне готовившихся к восстанию городских рабочих. Этим воспользовался царизм, заручившийся политической поддержкой октябристов и кадетов - партий денежного мешка, для которых революция была закончена.

Октябристско-кадетствующая буржуазия первой перешла в наступление против революции. Воспользовавшись острейшим экономическим кризисом, она организовала массовый локаут, уволив 100 тыс. петербургских рабочих. Расчет строился не только на том, чтобы задушить революцию голодом, но и избавиться от оказавшихся на улице наиболее революционно настроенных рабочих. Локаут послужил сигналом для царского правительства громить ненавистные Советы. Правительство Витте издало распоряжение об аресте председателя Петербургского совета Троцкого. Последнему удалось скрыться. 3 декабря 1905 г. был арестован весь состав Петербургского совета и его исполнительного комитета. Позднее, в 1906 г., когда реакция окончательно восторжествовала, 15 из них были отправлены в ссылку на поселение, двое заточены в крепость.

Разгром революции довершило подавление декабрьского вооруженного восстания в Москве, начатое рабочими трехгорной мануфактуры под руководством эсеров, а также восстаний в других городах. Эти поражения породили немало споров между большевиками и меньшевиками. "Снять с очереди вопрос о восстании, - заявлял Ленин, - значит, в сущности, признать законченным революционный и начавшимся "конституционный" период демократического переворота", из чего неизбежно вытекало "участие в Думе и усиленная работа в легальном профессиональном движении".[135]

В известном споре Ленина с Плехановым, заявлявшим, что не нужно было браться за оружие, по нашему мнению, последний был прав. "Эра баррикад и уличных боев прошла навсегда", на что указывал, между прочим, еще Энгельс, "предлагая выработать новую революционную тактику". По его словам, "*если войска сражаются,* сопротивление становится безумием".[136] Фабрично-заводские рабочие стихийно усваивали эти уроки. После 1905 г. по крайней мере в Петербурге эра баррикад и уличных боев против войск практически сошла на нет. В европейской России революционный период действительно оказался законченным.

Иное решение проблемы предлагал Ленин. Считая, что на повестке дня стоит вопрос о вооруженном восстании, он исходил из того, что "проповедуя отобрание земли, мы (имеются в виду социал-демократы - Ю. И. и С. П.) зовем крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку рабочими крестьян?"[137]

Как мы уже отмечали, Ленин полагал, что аграрный вопрос - главный в развертывавшейся революции. Между тем как в действительности ликвидация помещичьего землевладения объективно была лишь сопутствующей мерой,

подчиненной задаче свержения сросшегося с акционерным капиталом самодержавия. Те формы борьбы крестьян против помещиков, которые развертывались в российской деревне, как правило, были далеки от восстаний против самодержавного режима как такового.

Подобно тому, как у фабрично-заводских рабочих на ранних этапах их движения, конфликты сводились к попыткам силового решения чисто экономических проблем, так и крестьянские выступления против помещиков сводились к силовым решениям локальных экономических проблем, от которых в выигрыше оказывалось прежде всего кулачество, широко практиковавшее различные формы кредитования бедноты. Эта черта крестьянского движения особенно четко проступает в черноземных губерниях.

Зажиточные крестьяне здесь отнюдь не свергали на местах царскую власть. Организуя погромы помещичьих имений, они добивались лишь того, чтобы вынудить бежавших в город помещиков снижать арендную плату за землю, переходившую в "уравнительное" пользование общин. "Крестьяне толпами подступали к помещичьим экономиям, разбирали хлеб и прочее, а постройки нередко сжигали. Вреда личностям почти никогда не наносили, ибо не столько питали вражду к отдельным лицам, сколько стремились во что бы то ни стало выжить помещиков... За короткое время было сожжено и "разобрано" и вообще уничтожено свыше 2000 усадеб".[138]

"Главные моменты действий крестьян, - пишет П. Маслов, - следующие: 1) удаление помещика с семьей из усадьбы; 2)разбор и дележ хлеба и продуктов, а иногда и домашней движимости; 3) выведение скота; 4) расчет батраков и домашней прислуги и 5) часто поджог экономических построек. Помещики выезжают по предупреждению крестьян, и насилий над ними никаких не допускается... Урядники, стражники скрываются, а местами и арестованы крестьянами. Во главе крестьян, нападающих на помещичьи усадьбы, стоит обыкновенно вооруженная дружина, дележом хлеба и продуктов и деньгами заведуют комитеты и братства из местных крестьян. Захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках или у сборщиков питейных доходов суммы обращаются в общественную собственность. Поджог владельческих построек мотивируется крестьянами двумя соображениями: а) если постройки будут сожжены, то помещики не будут в состоянии вернуться в деревню", а вместе с ними и казаки.[139]

То, к чему лидеры правых эсеров, в частности, Чернов, приходили теоретически, призывая "добиваться, чтобы крестьянство в своих делах управлялось само собой, без чужой указки; чтобы сельские власти были верными и честными слугами миру, а не прислужниками земских начальников, исправников, становых", кулацкая верхушка общины осуществляла на практике во имя собственных корыстных интересов.[140]

Политическое влияние правых эсеров особенно было велико в черноземных губерниях, где разгромы помещичьих имений охватили 63% уездов. Вместе с тем уже в первые постреволюционные годы здесь все четче вырисовываются противоречия между зажиточными и деревенской беднотой, нарастание которых

форсировала аграрная реформа Столыпина. В частности, как пишет П. Маслов, в ряде уездов Саратовской губернии, "наряду с поджогами помещичьих усадеб, обостряется взаимное озлобление богатых и бедных слоев крестьянства, сопровождающееся также взаимными поджогами и убийствами. Это взаимное озлобление явилось результатом того, что понижением арендной платы, вызванным предыдущим аграрным движением, воспользовались зажиточные слои населения, которые теперь, при упадке настроения, стремились упрочить свое хозяйство на почве *существующих* аграрных отношений".[141] Тем самым подготавливалась почва для оформления в самостоятельную партию левого крыла эсеровской партии.

По иному развивалось крестьянское движение в промышленных губерниях, где главным занятием населения были отхожие и кустарные промыслы. Разнообразные государственные и общинные поборы, натуральные повинности в пользу земства (дорожная, квартирная, подводная и др.), громадные косвенные налоги на товары повсеместного спроса (керосин, соль, спички и т. д.), а также поборы винной монополии были подлинным бедствием для широких крестьянских масс. Главным здесь были отказы платить подати и бойкот сельской администрации, к чему призывал Л. Н. Толстой в своем известном "Письме к Индусу", послужившему для Ганди теоретическим обоснованием для создававшегося под его руководством движения сатьяграха.

Потравы и порубки здесь были повсеместны, поджоги помещичьих усадеб редки. На основании общественных приговоров население смещало волостные и сельские власти. "Почти повсеместно в губернии, жаловался новгородский губернатор, оклады содержания волостных старшин, судей, писарей были до таких ничтожных размеров уменьшены, что те из должностных лиц, которые сколько-нибудь удовлетворяли своему назначению, должны покинуть свои места".[142] Но и здесь выступления крестьян не приводили к свержению государственной власти, ограничиваясь лишь парализацией ее возможностей воздействовать на общину.

В связи с поражением революции вслед за разгромом советов наступила череда профсоюзов, существование которых в первый и последний раз было узаконено 4 марта 1906 г. "Временными правилами о профессиональных обществах". Согласно этим правилам " профессиональные общества могли создаваться с целью выяснения и согласования экономических интересов рабочих и предпринимателей. В уставах союзов, которые подлежали обязательной регистрации у губернатора или градоначальника запрещались даже упоминания о стачках... Собрания рабочих должны были проводиться только с разрешения соответствующих властей и с обязательным присутствием полицейского чиновника".[143]

Основной целью "временных правил" было уничтожение рожденных революцией профсоюзов, способных проводить стачки, добиваясь улучшения условий и оплаты труда. Такие профсоюзы не регистрировались, и, следовательно, подлежали роспуску. После разгона 1-ой государственной думы в июле 1906 г. в один день в Петербурге были закрыты почти все профсоюзы, а

их руководители подверглись арестам. С 1906 г. по 1910 г. было запрещено свыше 500 профсоюзных организаций.[144]

В обстановке острейшего послевоенного экономического кризиса, сопровождавшегося глубоким спадом промышленного производства фабриканты и заводчики в борьбе с рабочими создавали свои картели. В Петербурге картель назывался "С-Петербургское общество содействия и улучшению фабрично-заводской промышленности", в 10 промышленных губерниях московского района - "Союзом фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района".

Участвовавшие в этих союзах, избавляясь от излишней рабочей силы, обязаны были проводить совместные локауты, составлять общие для всех черные списки, не подлежащих приему на работу революционно настроенных рабочих, а также не идти на какие-либо уступки, связанные с улучшением условий труда и его оплаты. Причем в случае локаутов владельцы предприятий не несли убытков, так как получали от своих союзов пособия.

В годы кризиса фабрично-заводские рабочие оказались в наиболее бедственном положении: цены на продовольствие чудовищно росли, реальная заработная плата падала. В то же время основные каналы действенного сопротивления рабочих наступлению на их жизненный уровень оказались перекрытыми. Возникавшие после 4 марта профсоюзы в присутствии представителей полиции были не в состоянии даже ставить вопросы о стачках.

В связи с этим численность членов профсоюзов в 1906-1909 гг. неуклонно уменьшалась. Так, в Петербурге насчитывалось 70 тыс. металлистов, из которых в 1909 г., по данным периодического издания "Промышленность и торговля СПб", только 3925 были членами профсоюза, из 30 тыс. текстильщиков за этот же год членами профсоюза были всего 785 чел.[145] Еще хуже обстояло дело в Москве. "В Московском союзе металлистов, - пишет И. С. Розенталь, - закрытом в июле 1907 г. в сентябре насчитывалось 200 действительных членов; до 1913 г. он не подавал признаков жизни. Не превышала этой цифры численность союза текстильщиков, хотя он считался легальным".[146] Уцелевшие фабрично-заводские комитеты под названием "беспартийных комитетов" в условиях массовых увольнений бездействовали.

Все это привело к тому, что коллективные выступления сменились индивидуальными попытками фабрично-заводских рабочих во что бы то ни стало удержаться на работе, заискивая для этого перед администрацией в условиях масштабного перехода последней от найма на неопределенный срок к двухнедельному найму, "что фактически означало отказ предпринимателя от предупреждения рабочего об увольнении или изменения расценок за две недели".[147]

"В корреспонденциях заводов и мастерских, - пишет Ф. А. Булкин (Семенов), - заполняющих страницы союзного органа (имеется в виду профсоюзная печать Ю. И. и С. П.) все время читаем сообщения о подношениях "любимому начальнику", о том, что рабочие сохраняют за собой места при помощи взяток, подхалимства, наушничества, как люди работающие бок о бок в

одной мастерской, вырывают друг у друга заказы, в погоне за работой сбивают расценки".[148] Стоит ли этому удивляться, если, например, в Московском промышленном районе в 1907 г. каждый четвертый рабочий металлообрабатывающей промышленности оказался без работы.[149]

В более благоприятном положении были рабочие средних и мелких заведений, хозяева которых не входили в союзы, устраивавшие локауты. Некоторыми из возникавших здесь производственных профсоюзов руководили большевики. Согласно сведениям, приводимым И. С. Розенталем, "партийные группы большевиков имелись в союзах торговых служащих, портных, печатников, кожевников, деревообделочников".[150]

Особенность этих профсоюзов заключалась в том, что они далеко не всегда объединяли подлинных рабочих (например, профсоюз торговых служащих). В ряде из них принимались квартирники, эксплуатировавшие труд учеников и подмастерьев. Так в профсоюз портных принимались штучники, имеющие не более двух подмастерьев, у которых высчитывалось не более 60% заработка.[151] В профсоюзе деревообделочников были главы артелей. Наконец, последнее по месту, но не по важности, эти профсоюзы, как правило, объединяли работников там, где не было развитой системы управления наемного административного персонала, характерной для фабрик и заводов, где управление сосредотачивалось в руках собственников заведений.

На фабриках и заводах противостояние рабочих наемному управленческому персоналу уже давно имело четко выраженные черты, что не могло не вызывать повышенного недоверия сторонников Ленина к их способностям отстаивать большевистские идеалы, по сравнению со способностями рабочих средних и мелких заведений, где противостояние фокусировалось между трудившимися по найму и предпринимателями.

В этой связи весьма показательно то, что когда на V-ом ("лондонском") съезде РСДРП обсуждался вопрос о рабочем съезде, была принята резолюция о том, что "идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии".[152] Большевики считали порожденную рынком демократию, которую последовательно отстаивали фабрично-заводские рабочие, феноменом исключительно буржуазного общества, несовместимым с тем общественным строем, к установлению которого были устремлены их помыслы.

В 1910 году казалось, что в европейской России революция окончательно добита: исчезли массовые политические забастовки, крестьянское антипомещичье движение в деревне переживало спад. Но дни самодержавия уже были сочтены. То, что делал царизм, рассчитывая предотвратить революцию, лишь способствовало пробуждению к политической жизни тех самых классов, которые были призваны смести его с политической сцены.

Это пробуждение было вызвано отнюдь не борьбой за прусский или американский путь развития, как полагал Ленин, а инициированной самодержавием гонкой вооружений во имя новых территориальных притязаний российского акционерного капитала. Гонка вооружений обогащала акционеров, породив конкуренцию между ними за выгодные военные заказы. Союзы предпринимателей, рассчитанные на увольнения рабочих и локауты, распались. На заводах широко открылись двери для приема новых рабочих. Тем самым возникли благоприятные условия для проведения общезаводских стачек, организуемых фабрично-заводскими комитетами. А так как Петербург был ведущим центром военной промышленности, то это во многом предопределило его решающую роль в исторических судьбах всей страны. В годы Первой мировой войны промышленность Петрограда и его пригородов давала до 70% всей военной продукции.[153]

Ленский расстрел 1912 г., наглое выступление министра внутренних дел Макарова, заявившего в этой связи, что "так было и так будет" пробудили фабрично-заводских рабочих к активной политической борьбе. В Петербурге не было завода, - пишет М. Балабанов, - который в той или иной форме не выразил бы своего протеста. 17 апреля здесь бастовали 134 предприятия с 31726 раб. 18 апреля - 85 предприятий с 53534 раб. В Москве бастовали крупные заводы: Гужона, Бромлей, Листа, Мытищинский, в Нижегородской губ. Сормовский и Кулебанский заводы".[154]

Это было только начало. Позднее в связи с празднованием первого мая прошли стачки на многочисленных предприятиях Петербурга. В октябре в знак протеста против смертного приговора севастопольским рабочим здесь бастовали 120 тыс., в Москве 40 тыс. рабочих. Наряду с политическими росло число экономических стачек, отличавшихся от прошлого невиданной до этого продолжительностью и действенной денежной поддержкой рабочими небастующих фабрик и заводов.

Особенно упорными и дружными были стачки в Петербурге. "Наиболее значительна, - пишет М. Балабанов, - забастовка на заводах Сименс и Гальске, где 1000 рабочих бастовали 14 недель. Рабочие требовали отмены наложенного на них штрафа за забастовку в день 1 мая, включения этого дня в табель праздников, признания выборных старост и т. д. Заводоуправление пошло на уступки, отменило штраф, признало 1 мая праздником, признало старост, а также согласилось ходатайствовать об освобождении 120 рабочих, арестованных во время забастовки. Продолжительную стачку эту поддерживали рабочие других заводов сбором денег. Свыше 3-х месяцев продолжалась стачка на одной из багетных фабрик; когда владелец фабрики попытался передать заказы другой фабрике, забастовали и рабочие последней".[155]

Из экономических стачек северо-западного промышленного района М. Балабанов выделяет длившуюся 5 недель забастовку на фабриках бр. Зотовых и Ново-Костромской мануфактуре, в которой участвовало 11 тыс. рабочих, требуя повышения заработной платы и уплаты квартирных, а также длившуюся свыше месяца забастовку на Романовской льнопрядильной мануфактуре, Нарвской

мануфактуре в Ярославской губернии, фабрики Грибанова в Вологодской губ и т. д. Во время этих забастовок рабочие требовали увольнения ряда служащих и признания избранных рабочими старост.[156]

В Петербурге 1913 г. ознаменовался невиданной чередой сменявших одну за другой политических стачек. 9 января бастовало до 60 тыс. рабочих, 4 апреля столько же. 1 мая, по подсчетам "Правды", в стачке принимали участие до 250 тыс. человек. С 1 по 4 июля в знак протеста против преследований рабочей печати бастовали свыше 25 тыс. рабочих, 17-19 июля в знак протеста суда над матросами бастовали 30 тыс. рабочих. В сентябре, протестуя против ареста руководителей стачки московских трамвайщиков, в забастовке участвовали свыше 50 тыс. рабочих. В октябре прошли стачки по поводу киевского суда над Бейлисом. 6-8 ноября в Петербурге по официальным данным бастовали свыше 80 тыс. рабочих 182-х предприятий в знак протеста против привлечения к суду 6-сти рабочих Обуховского завода, отказавшихся приступить к работе во время стачки.

1914 г. характеризуется в Петербурге еще большим нарастанием стачечной волны. 9 января здесь бастовало 140 тыс. рабочих, 1 мая свыше 250 тыс. Из-за стачек многие предприятия больше простаивали, чем работали. На Обуховском заводе забастовка продолжалась более 2-х месяцев, на заводе Лесснера - около 3-х месяцев. Массовые отравления работниц на ряде предприятий Петербурга вызвали забастовку солидарности 115 тыс. рабочих и вслед за этим демонстрации. 3 июля на Путиловском заводе полиция стреляла в рабочих, проводивших митинг по поводу Бакинской стачки. 4 июля в знак протеста забастовало 90 тыс. рабочих, 7 июля их стало 130 тыс., 8 июля - 200 тыс. На всех заводах проходили митинги и демонстрации. По утверждению советских историков большевистской партии, в знак протеста против вступления России в мировую войну кое- где на окраинах столицы появились баррикады. Были ли в действительности баррикады или нет, мы об этом не знаем. Никаких подробностей о них нам неизвестны.

Петербургские политические стачки и демонстрации использовали малейшие поводы для борьбы против самодержавия. Основное ядро принимавших в них участие составляли фабрично-заводские рабочие, подтверждая тем самым известное положение Маркса о том, что идеи, в данном случае идеи свержения самодержавия, становятся материальной силой, когда ими овладевают массы. Фабрично-заводские рабочие вообще и в Петербурге в особенности на деле доказали, что в борьбе против царизма они являются авангардом всех революционных сил, чего не признавал за ними Ленин.

Однако накануне первой мировой войны признанная всеми классами авангардная роль фабрично-заводских рабочих в борьбе против самодержавия ограничивалось лишь самим Петербургом. В остальной же европейской России такого признания еще быть не могло. Вне Петербурга политические стачки и демонстрации фабрично-заводских рабочих были редкостью.

Крестьянское же движение все больше утрачивало свой общекрестьянский антипомещичий характер. Площадь помещичьего землевладения резко

сократилась. Из-за крестьянских погромов помещики активно распродавали свои земли банку и непосредственно зажиточным крестьянам. В Симбирской губернии доля таких земель составила 33,2%, в Саратовской - 32,6%, Пензенской - 28,8%, Самарской - 26,5% и т. д.[157]

Разрушавшая общину столыпинская реформа, провозглашая частнособственнические поземельные отношения с выделением зажиточных на хутора и отруба, смещала акцент противоречий из антипомещичьей плоскости в плоскость борьбы деревенской бедноты с частными земельными собственниками, в том числе и с зажиточным крестьянством.

Другим следствием столыпинской реформы была массовая продажа беднотой причитавшихся им общинных наделов. С 1907 г. по 1915 г. (в 1915 г. в связи с массовыми протестами семей мобилизованных в армию, проводившийся по мужским душам передел общинных земель был приостановлен) 1,2 млн. крестьянских дворов продали 3 млн. десятин[158], т. е. в среднем всего 2,6 десятины на двор. Тем самым постепенное разрушение субсидирования деревней воспроизводства городской рабочей силы получило дополнительный стимул. В городах ускорился рост числа рабочих, утративших экономические связи с деревней.

Вступление России в войну с Германией, затормозив вначале нарастание революции, затем гигантски приблизило ее победу, завершившуюся свержением самодержавия. Отсталая Россия не могла на равных воевать с европейскими державами. Война выявила глубокое “несоответствие между состоянием производительных сил и теми требованиями, которые предъявляет империалистская война”.[159] Последовательный курс большевиков на поражение царизма в войне, на превращение войны империалистической в войну гражданскую, был абсолютно верным в качестве политической предпосылки их прихода к власти. Но это отнюдь не означает, что само поражение царизма в войне было предопределено большевиками. Оно было неизбежным, не зависящим от субъективных пожеланий процессом, обусловленным отсталостью страны. Большевики лишь использовали его для того, чтобы, придя к власти, иметь возможность ставить свои коммунистические эксперименты на жизнях миллионов громадной страны.

Начало войны не предвещало революционной бури. По сравнению с июлем 1914 г. число забастовок в августе сократилось почти в 40 раз. Профсоюзы были распущены. Уцелел лишь один профсоюз - профессиональное общество служащих-фармацевтов.[160] Небольшие антивоенные манифестации первых дней объявления войны буквально потонули в обстановке шовинистического угара. Под прикрытием вездесущего ока полиции черносотенцы громили принадлежавшие немцам административные здания, дома и магазины. Но так не могло продолжаться бесконечно. Эйфория безнаказанных погромов и ура-патриотических лозунгов и призывов сменились тяготами войны, усугубленными известиями о поражениях на фронте.

В обстановке хвастливых заявлений о росте прибылей акционерных компаний реальная заработная плата непрерывно падала, так как цены на

продовольствие стремительно росли. Уже осенью 1915 г. города сидели на голодном пайке. Армия получала только половину продовольственной нормы. Тем не менее, рост цен продолжался. К осени 1916 г. предметы первой необходимости вздорожали по сравнению с началом войны в среднем втрое, дрова и яйца - вчетверо, масло и мыло - впятеро.[161]

Военные мобилизации породили острейший дефицит товарного продовольствия. Численность мобилизованных для военных нужд выросла с 1,37 млн. в 1913 г. до 15 млн. чел., что превысило численность всего городского населения Российской федерации, составлявшего до войны около 14 млн. чел. Бедственное положение усугублялось тем, что громадные пшеничные запасы Сибири оказались отрезанными от европейской части России отчасти из-за высоких железнодорожных тарифов, отчасти из-за перегруженности дорог военными перевозками. При протяженности железнодорожной сети в 43 тыс. верст имелось всего 11 тыс. паровозов, т. е. 1 паровоз приходился на 4 тыс. верст железнодорожного пути. Что касается причерноморских хлебных районов, то они были охвачены борьбой украинцев за независимость.

Таким образом, основным источником снабжения хлебом армии и городов становились районы Черноземья. Бедственное положение усугублялось еще и тем, что война подорвала и без того скудный товарообмен между городом и деревней. Мобилизация промышленности для военных нужд породила, несмотря на былую ограниченность массового спроса деревни, острейший дефицит таких товаров как ситец, нитки, керосин, спички, сахар и т. д. Цены на эти товары настолько непомерно выросли, что продавать хлеб стало невыгодно. Жены мобилизованных все чаще громили лавки, силой забирая товары и избивая их владельцев.

В условиях нарушенного войной товарообмена между городом и деревней у царского правительства оставался лишь один способ приобретать продовольствие. По инициативе министра земледелия Риттиха осенью 1916 г. была введена продразверстка с посылкой отрядов стражников в деревню для изъятия “излишков” продовольствия и фуража по ценам значительно ниже рыночных. Таким образом, продразверстка - синоним военного коммунизма - отнюдь не была изобретением большевиков. Она была изобретена еще царским правительством, которое так и не смогло масштабно провести ее в жизнь, поскольку на местах власти опасались возникновения стихийных бунтов, ибо имевшие “излишки” имущие крестьяне в своем неприятии продразверстки опирались на массовую поддержку всего населения деревни, включая деревенскую бедноту.

Та система продразверсток, которую позднее практиковали большевики под флагом немедленного перехода к коммунизму, в сущности, являлась более решительным продолжением той самой политики, которую в условиях проигранной войны пыталось проводить царское правительство. Состояние экономики независимо от характера режима определяет набор принимаемых мер. Она же способствует реализации той политики, которая последовательнее и решительнее отстаивает ее нужды.

С весны 1915 г. начался неуклонный рост забастовок и числа бастовавших. С августа 1915 г. они приобрели политический характер: появились забастовки протеста против войны. Примечательно, что в Петербурге антивоенные митинги и демонстрации обычно проходили без столкновений с полицией. При ее приближении рабочие расходились, чтобы с той же целью тут же собраться вновь в другом месте. В провинции же расстрелы забастовщиков были рядовым явлением. Так, "в июне 1915 г. бастовало 6500 рабочих Большой льняной мануфактуры в Костроме. Полиция расстреляла демонстрацию стачечников. То же в Иваново-Вонесенске, где бастовало 25 тыс. рабочих с 32 предприятий. Демонстрация была расстреляна полицией. Убито 30 и тяжело ранено 53 рабочих".[162] В связи с этим в августе и сентябре 1915 г. по всем промышленным центрам странам прокатилась волна забастовок в знак протеста против этих расстрелов. Число забастовщиков превысило 130 тыс. чел.[163]

В 1916 г. число забастовок сравнительно с декабрем 1915 г. возросло более чем в 3,5 раза. Причем к бастующим рабочим все чаще присоединялись измученные проигранной войной полуголодные солдаты. В частности, в Петербурге в 1916 г. "во время многочисленных демонстраций в день 9 января были случаи встреч демонстрантов с солдатами. Так, по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали: "Ура", "Долой войну" и т. д.10 января вечером по Большому Сампсониевскому проспекту шествовала громадная колонна работниц, рабочих и солдат... Полиция все время держалась в стороне... Присутствие в более чем тысячной толпе 300-400 солдат действовало на полицию "успокоительно". Демонстрация длилась более часу".[164]

В течение всего 1916 г. разуверившаяся в военной победе, полуголодная армия все больше и больше стихийно вовлекалась в водоворот антивоенного движения фабрично-заводских рабочих. Так, например, "17 октября забастовал завод "Рено" на Выборгской стороне. Рабочие двинулись к другим предприятиям. Скоро толпа демонстрантов залила Сампсониевский проспект. У казарм 181-го полка полиция хотела арестовать агитатора, но толпа его отстояла. Солдаты выбежали из казарм и стали забрасывать городовых камнями. Вызвали командира полка. Возбужденные рабочие и солдаты разбили автомобиль и ранили полковника. Поздно вечером офицеры вызвали учебную команду полка. Она отгородила казармы от демонстрантов, однако стрелять в толпу несмотря на троекратный приказ не стала. Прискакали казаки, но, видимо, побоялись вооруженных солдат".[165]

Именно стихийное нарастание этого процесса, процесса вовлечения солдатских масс в движение фабрично-заводских рабочих, привело в конце концов к тому, что в феврале 1917 г. подавляющее большинство армии окончательно повернуло оружие против тех, кто защищал самодержавие. Лишившись основы своего аппарата насилия, Николай II был вынужден отречься от престола.

---

[1] Население городов С-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 года. Составлено Центральным статистическим комитетом на основании подсчетов местных особых комиссий. С-Петербург, 1898. С. 13, 19.

[2] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 346.

[3] Там же. С. 333.

[4] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Т. 3. С. 367-368..

[5] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 356.

[6] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 432.

[7] Там же. С. 328-329.

[8] Там же. С. 329.

[9] Trotcky I. The Third Iternational after Lenin. N. Y., 1936. P. 208-209.

[10] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46. Ч. 1. С. 505.

[11] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. С-Петербург, 1907. С. 16.

[12] Гиндин Ф. И. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в.// Вопросы истории. М., 1066. № 3. С. 51.

[13] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. XXXVII. Город С-Петербург. Тетрадь 2 и последняя. СПБ., 1903. С. XXII.

[14] Koh S. I. Stages of Industrial Development in Asia. A Comparative History of the Cotton Industry in Japan China and Korea. Philadelphia. 1966. P. 114.

[15] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С.488.

[16] Милютин В. П. Народное хозяйство советской России (Краткий очерк организации управления и положения промышленности Советской России) Иркутск, 1920. С.13.

[17] Общественное движение в России в начале XX века под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 1. СПБ., 1909. С. 35.

[18] См. Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 458.

[19] Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПБ, 1906. С. III.

[20] Струмилин С. Почему мы первые у врат социализма//Экономическая жизнь. 10 июля 1920.

[21] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПБ, 1909. С. 19.

[22] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 431.

[23] Ленин В. И. Развитие капитализма в России.. 429.

[24] Маркс К. Капитал. Т. 23. С.393.

[25] Pollard S. The Genesis of Modern Management. L., 1965. P. 106.

[26] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации... С. 13.
[27] Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962. С. 166.
[28] Энгельс Ф. Общественные классы - необходимые и излишние Т. 19. С. 298-299.
[29] Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1830. L., 1969. P. 429.
[30] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Т. 19. С. 217.
[31] Perkin H. The Origins of Modern English Society... P. 113.
[32] Шепелев Л. Е. Акционерное учредительство в России (историко-статистический очерк)//Из истории империализма в России. М.-Л., 1959. С. 152-153.
[33] Там же. С. 135.
[34] Perkin H. The Origins of Modern English Society... P. 430.
[35] Там же. С. 156.
[36] Маркс К. Капитал. Т. 23. С.483.
[37] Ленин В. И. Что такое "Друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? (ответ на статьи "Русского богатства" против марксистов). Т. 1. С. 258.
[38] Ленин В. И. Развитие капитализма в России... С. 534-535.
[39] Рабочий класс центра страны и Сибири (конец XIX - начало XX в.). Новосибирск, 1981. С. 46.
[40] Цит. по: Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. I. Профсоюзы в борьбе за свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата (1905-1917). М., 1963. С. 197.
[41] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 421-422..
[42] Ленин В. И. Очередные задачи советской власти Т. 36. С. 201.
[43] К экономическому положению рабочих в русской промышленности. (по поручению музея Содействия труду составил Н. И. Воробьев). М., 1907. С. 16.
[44] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912-1914 годах. М.-Л., 1961. С. 115.
[45] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900-1914 г.г. Л., 1976. С. 237.
[46] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий. М., б/г. С. 68.
[47] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Т. 2. С. 302.
[48] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий... С. 31.
[49] Там же. С. 36.
[50] Там же. С. 42.
[51] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России ... С. 69.
[52] Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Город С-Петербург. Тетрадь 2 и последняя...С. XI.
[53] Там же. С.XXII.
[54] К экономическому положению рабочих в русской промышленности...С. 3.

[55] Там же. С. 4, 5.
[56] Там же. С. 5.
[57] Там же. С. 7.
[58] См. там же. С. 7. 8. 11.
[59] Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966. С. 80.
[60] Там же. С. 99.
[61] Архив истории труда в России. Книга третья. Петроград. 1922. С. 32.
[62] См. Труд в России. Исторический журнал. Л. 1925. С. 125.
[63] Министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год. СПБ., 1911. С. XLVII.
[64] К экономическому положению рабочих в русской промышленности...С. 13.
[65] Там же. С. 20.
[66] См. Архив истории труда в России. Книга третья. Петроград, 1922. С. 79.
[67] Там же.
[68] Цит. по: Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. (По данным анкеты, произведенной XII (Содействия труду) отделом И.Р.Т.О). С-Петербург, 1909. С. 41.
[69] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие... С. 85.
[70] См. Там же. С. 134..
[71] Труд в России. Исторический журнал. 1925. № 1.Ленинград, 1925. С. 30.
[72] Цит. по: Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих... С. 38.
[73] Архив истории труда в России. Книга третья... С. 82.
[74] Белозеров А. Записки по рабочему движению нижегородского края. Н. Новгород, 1926. С. 39.
[75] Стачечное движение. Составила А. Панкратова. М.-Л., MCMXXV. С. 166
[76] Труд в России. Исторический сборник. Ленинград. 1925. № 2-3. С. 155.
[77] Там же. С. 156.
[78] См. Крузе Э. Э. Петербургские рабочие... С. 83.
[79] Министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г., Петербург, 1910. С XXI.
[80] См. Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих... С. 5.
[81] Там же. С. 6.
[82] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 38.
[83] Опыт исчисления народного дохода 50 губ. европейской России в 1900-1913 гг. под редакцией С. Н. Прокоповича. М., 1918. С. 53.
[84] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России... С. 236.
[85] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 7.
[86] Балобанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. III. М., 1926. С. 37.
[87] Там же. С. 39.
[88] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 7.
[89] См. Общественное движение в России... Т.1. С. 1-2.

[90] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПБ., 1909. С. 110-111.
[91] Милонов Ю. Как возникали профсоюзы в России. М., 1929. С. 336-37.
[92] Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПБ., 1906. С. VI.
[93] Министерство финансов. Отдел промышленности. Свод фабричных отчетов за вторую половину 1900 года. СПБ., 1902. С. III.
[94] Милонов Ю. Как возникали профсоюзы... С. 37.
[95] Там же. С. 38.
[96] Белозеров А. Записки по рабочему движению... С. 42.
[97] Цит. по: там же. С. 39.
[98] Общественное движение в России... С. 196.
[99] См. Гринревич В. Профессиональное движение рабочих в России. Выпуск первый. М., 1923. С. 113.
[100] Там же. С. 7.
[101] Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 год. СПБ., 1906. С. 47.
[102] Там же.
[103] Общественное движение в России... Т. 1. С. 207.
[104] Ленин В. И. Что делать? Т. 6. С. 96.
[105] Ленин В. И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? Т. 1. С. 175.
[106] Что делать? С. 175.
[107] Практик К вопросу о наших партийных задачах. Об организации.// Искра 1904. № 57. Приложение.
[108] Ленин В. И. Что делать?.. С. 9.
[109] См. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. М., 1936. С. 50.
[110] Энгельс Ф. Письмо Герсону Триру в Копенганен 18 декабря 1889 г. Т. 37. С. 277.
[111] Ленин В. И. Новое побоище. Т. 5. С. 16.
[112] Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33. С. 97, 101.
[113] Общественное движение в России... С. 408.
[114] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов ... Т. 46. Ч. 1. С. 191.
[115] Мартов Ю О. История российской социал-демократии//Избранное. М., 2000. С. 24.
[116] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 236-237.
[117] Маркс К. Письмо в редакцию "Отечественных Записок" [1877 г.] Т. 19. С. 119.

[118] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 27.
[119] Там же. С. 48, 57.
[120] Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М, 1912. С. 16.
[121] См. Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 42.
[122] См. Иванов Ю.М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. М. 1970. С. 93-94; Иванов Ю. Старые решения вечно "новых" проблем //Проблемы дальнего Востока. 1993 № 6.
[123] Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Т. 17. С. 80.
[124] Профсоюзы СССР. Документы и материалы в четырех томах. Т. I. Профсоюзы в борьбе за свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата (1905-1917). М., 1963. С. 45.
[125] Общественное движение в России в начале XX века. Т. II. С. 294.
[126] См. там же. С. 70.
[127] Профсоюз текстильщиков. Краткий исторический очерк. М., 1963. С. 10.
[128] См. Розенталь И. С. Профессиональные союзы рабочих России: численность, состав. политическая ориентация (1905- февраль 1917). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1987. С. 250.
[129] Общественное движение в России... Т. II. С. 89.
[130] Ленин В. И. Что делать? .... С. 79.
[131] Троцкий Н. Совет и революция (пятьдесят дней)// История Совета рабочих депутатов С-Петербурга. СПБ, [1918] С. 19.
[132] Ленин В. И. Учитесь у врагов. Т. 12. С. 118.
[133] Общественное движение в России... Т. II. С. 113.
[134] Гриневич В. Профессиональное движение рабочих России. С. 118.
[135] Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии. Т.12. С. 178.
[136] Энгельс Ф. Письмо Полю Лафаргу в Ле-Перре 3 ноября 1892 г. Т. 38. С.432.
[137] Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии. С. 179.
[138] Общественное движение в России... Т. II. С. 118.
[139] Маслов П. Крестьянские движения в России в эпоху первой революции. М., 1924. С. 91.
[140] См. Устав крестьянского союза "Братство для защиты народных прав"// Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 46.
[141] Общественное движение в России ... Т. II. С. 252.
[142] Цит. по: Крестьянское движение в России. (Июнь 1907 -июль 1914). Сборник документов. М.-Л., 1966. С. 22.
[143] Профсоюз текстильщиков... С. 13.

[144] См. Балабанов М. Рабочее движение в России в годы подъема. 1912-1914. Л., 1927. С. 4.
[145] Профсоюзы СССР. Документы и материалы в четырех томах. T.I. M., 1963. С. 277.
[146] Розенталь И. С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 100.
[147] Динеева О. В. Индустриальная безработица в Москве и Московской губернии (1900-1909 гг.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2004. С. 20.
[148] Булкин А.Ф. (Семенов) На заре профдвижения. История петербургского союза металлистов. 1906-1914. Л-М., 1924. С. 210.
[149] Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. М., 1981. С. 5.
[150] Розенталь И. С. Профессиональные союзы рабочих России. Диссертация... С. 288.
[151] См. там же. С. 239.
[152] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов... Часть I. С. 103.
[153] Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 37.
[154] Балабанов М. Рабочее движение в России... С. 29.
[155] Там же. С. 33.
[156] См. там же.
[157] Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 140.
[158] Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г. - февраль 1917 г. М.-Л., 1965. С. 7.
[159] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I... С. 262.
[160] Флеер М. Г. Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 149.
[161] Хроника России. XX век. М., 2002. С. 206.
[162] Профсоюз текстильщиков... С. 34.
[163] Флеер М. Г. Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 12.
[164] История гражданской войны в СССР. Том первый. М., 1935. С. 35.
[165] Там же. С. 52.

Подписано в печать 22. 06. 2004 г.
Формат 60x90 1/16. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 3,5. Тираж 250 экз. Заказ № 45.

Отпечатано в типографии «Карпов».
Лицензия ПД № 00701 от 02.08.2000 г.
109004, г. Москва, ул. Большая Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел./факс: 911-66-92